

ИРИНА БЕСЕДИНА

САМОРОДОК

СИБИРСКИЙ
ПРИКЛЮЧЕНЧЕСКИЙ
РОМАН

Annotation

Конец 1930-х годов. На одном из колымских приисков двое друзей-зэков находят огромный самородок. Они передают его надзирателю Бергу, который обещает свое покровительство и предлагает организовать нелегальную добычу золота. Зэки начинают разрабатывать шахту и натываются на подземное капище предков народа чукчей. Старый шаман предупреждает их, чтобы не тревожили сон древних богов, однако дело неожиданно осложняется появлением на прииске агента немецкой разведки, который пытается завербовать Берга...

Ирина Беседина
Самородок

Часть первая
История золотой Колымы

Жизнь обрушилась

Зэки шли строем, молча, тяжёлым шагом, руки за спину, глаза в землю. Впереди, по бокам, сзади колонну сопровождали бойцы охраны с автоматами, с собаками. Зэки шли в забой добывать металл.

Я был в этой колонне. Как «враг народа», я был осуждён на десять лет.

История моего ареста в 1938 году одна из многих тысяч. Меня не интересовали политические игры. Я просто трудился, любил, имел детей, семью. Бессудные расстрелы, громкие и тихие судебные процессы, вообще вся деятельность НКВД^[1] и его застенки никак меня не интересовали и не касались. Не то чтобы я не слышал о расстрелах и арестах, но это было где-то далеко, в другом мире. Моя жизнь была проста. Я лечил людей и считал, что это дело мне дано от Бога.

Вдруг ночью неожиданные гости, обыск, арест, следственная тюрьма, нелепые обвинения. И я, простой человек, далёкий от политических интриг, оказался под следствием по непонятным политическим мотивам. Предъявленные обвинения были абсурдны сами по себе. Откуда я мог знать, что мой арест может стать частью крупной политической игры? Готовился фантастический судебный процесс — обвинение бывшего всемогущего начальника сталинской тайной полиции Генриха Ягоды. На меня поступил донос: я неправильно лечу людей. Я залечиваю их до смерти. Это подлое зерно упало на благодатную почву.

В первый момент я не верил, что арестовали всерьёз.

— Это явная ошибка. Разберутся и выпустят. Ещё извиняться будут, — сказал я жене на прощание. Однако сложилось всё иначе.

* * *

Я жил счастливо. Двое детей, красавица жена, преданная, спокойная, любящая, мой надёжный друг. Она умела создать уют и спокойствие в доме. Я был убеждён, «семья — это святое». Я любил свою работу и отдавал ей все силы.

Из этой счастливой жизни я был вырван совершенно внезапно. Политика меня вообще не интересовала. Поэтому я верил, что моя невиновность очевидна. Просто где-то что-то перепутали. Не мог я быть преступником, заговорщиком, «врагом народа». Любому следователю это должно быть очевидно. Но почему-то очевидное для меня не было очевидно для следователя. Поступил донос, который можно было увязать с делом Ягоды, и это определило дальнейшую судьбу.

Крики и стоны избиваемых людей напрягали нервы с первого момента появления в этом месте. Первый же допрос потребовал сильнейшего напряжения воли. Следственная тюрьма круто перевернула жизнь: попавший сюда не был больше личностью, не был даже человеком, нас унижали, оскорбляли, били, растаптывали. Сомнений в виновности у следователя не было. Надругательство над личностью было хуже любой боли. Допросы чаще всего проводились ночью. Следователи вытягивали из измученных людей показания о фантастических заговорах.

В Бутырке ко мне подошёл сокамерник и стал расспрашивать, как и почему я сюда

попал. Я буркнул что-то и не стал с ним разговаривать. Подумал: «Лезут в душу всякие».

Позднее я узнал, что он ювелир и зовут его Лев Наумович Близинский. Среднего роста, с округлым брюшком, широкий слегка приплюснутый нос, под большими удивлёнными глазами синяки. С первого взгляда внешность была так себе, несколько смешна. Однако, когда его большие глаза смотрели прямо, становилось понятно, что этот человек не только добр и чист, но в какой-то мере значителен и живёт своей внутренней жизнью.

На другой день после допроса Близинского привели под руки и бросили на пол. Теперь он ни о чём не спрашивал, а лежал неподвижно в углу камеры. Я поднял его и аккуратно уложил на нары, омыл его лицо водой. Несколько капель влил в рот. Отошёл и молча сел на свои нары.

Общение наше никак не развивалось. Мы в основном молчали.

После одного из допросов, когда я сидел, не поднимая глаз, и думал, как заставить следователя меня выслушать и поверить, Лев подошёл.

— Михаил, слышь, Михаил! Ты не спорь со следователем.

— Это как, не спорь? Я же не виноват, — сказал я тихо и поднял глаза. Лев почувствовал мою боль и на мгновение зажмурился.

— А следак тебя слушает?

— В том-то и дело, что вопросы не зависят от того, что я скажу. Орёт, злится, требует назвать сообщников. Не понимает, что я ни в чём не виноват, нет у меня сообщников. Матерится. Ну и я матерюсь. А они, гады, бьют.

— Раз находишься здесь, виноват. И убеждать в обратном бесполезно. У них свои задачи и свои особые понятия о нашей виновности.

— Да не виноват, не делал я ничего такого! Это абсурд! Все обвинения высосаны из пальца! — закричал я.

— Всё равно — виноват, — сказал отдельно Близинский. — Здесь у нас нет права защиты.

— Но моя непричастность к делу о каких-то заговорах очевидна. Я никого из партийной верхушки не знаю, никогда с ними не встречался.

— Это не имеет значения. Ты пойми, они все под страхом. Сегодня он здесь пытается, унижает, мучит людей, заставляет сознаваться в полнейших нелепицах. А завтра его будут пытаться. Вот этот палач Ягода. Ведь пятнадцать лет лютовал. А сейчас сидит в этих же номерах, и клеют ему что попало. Да ещё компанию подбирают. Скольких людей он к стенке ставил! А теперь его миленького поставят. И сознается он во всех грехах, о которых и понятия не имеет. Чуешь, откуда ветер дует? — Лёва поднял палец. — Сверху он дует.

Он был прав. И я внезапно понял, что разбираться в непричастности к заговорам никто не будет. Это политика. В этом заинтересован кто-то там наверху. Сталин может и не знать, что творится в этих застенках. И оттого, что Лев это понял раньше, я взглянул на него с уважением.

— Так что, Михаил, ты не спорь со следователем, но и не подписывай никаких бумаг. Иначе тебе крышка.

Лёва на допросах не спорил, ничего не доказывал, ничего не подписывал. Часто бывал бит. А после очередной встряски садился в свой угол, долго молчал.

Потом подсаживался ко мне и начинал разговор. Он как старший брат заботился и опекал. Я сначала молча слушал. Потом понемногу стал отвечать. Потом принял дружбу Лёвы.

— Михаил, жизнь обрушилась, но не закончилась. Я понимаю, трудно духовно подняться над обстоятельствами этой жизни. Но главное — сохранить себя, своё человеческое достоинство и не свихнуться. Ты удались, Михаил, удались душой отсюда. Тебе через десять лет будет тридцать семь. Мы выйдем, нам ещё жить можно ого как! Любить, детишек растить, миру радоваться.

Я автоматически повторил: «...обрушилась, но не закончилась». И вдруг дошёл смысл этого.

— Лев, ты, правда, так думаешь? Будем держаться?

— Конечно, будем держаться. И к хренам собачьим этих... Мы сами по себе, они сами по себе.

С этого времени я стал безразличен к ходу следствия и допросам. Я отказывался подписывать протокол допроса и признать себя виновным. Следователь злился и хотел любым способом сломить, посылал в карцер.

В эту узкую каменную коробку без окна я уместился с трудом. Деревянная полка для сна, закреплённая в стене, могла уместить человека среднего роста. А я был несколько длинноват. У противоположной стены — маленькая железная полка, служащая столом. Расстояние между полками такое, чтобы арестант мог встать и сесть. Это — ширина бокса. Протянул руку — и достанешь до железной двери с глазком и окошечком. Я воспринимал карцер как стоячий гроб. Вентиляции днём нет. Примерно через два часа начинаешь задыхаться. В железной двери, у пола, я заметил маленькие дырочки. Попробовал сесть на пол, чтобы ухватить каплю воздуха. Невозможно, места не хватает. Да и дежурный заорал: «Нельзя!» Дежурный заглядывает в глазок примерно каждые полчаса. Когда видит, что у заключённого совсем мутится сознание, он открывает дверь и говорит: «Ну, пошли в сортир». Пока заключенный идёт до сортира и находится там — он дышит. Дверь бокса открыта, воздух входит туда. Затем всё повторяется. После отбоя включают вентиляцию. Смерть заключенного от удушья не предполагалась, только пытка. За этим процессом обязан был следить часовой.

Карцер чуть меня не сломал. Я понял, в карцере нельзя себя жалеть, нельзя позволять никаких отрицательных эмоций, особенно возмущения и гнева. Именно этого добивались мучители. Человек ломался через гнев, возмущение, обиду, тоску.

«Нет, врёте, у меня всё наладится. Я крепкий орешек. Я выйду отсюда, и буду счастлив. Я выброшу вас из своей жизни. Моя семья, мои любимые будут со мной». Такие мысли спасали.

В конце концов всё решено бесповоротно, приговор получен. Я признан «врагом народа». Осуждён на десять лет. Лев получил такой же приговор. Нас определили на Колыму.

Путь к месту назначения был долог. Тюремный вагон от Москвы до Находки шёл больше месяца. Затем твиндек^[2] парохода — душный и нестерпимо вонючий. Через пять суток всех выгрузили на суровом и мрачном таёжном берегу, автомашины развезли по тем местам, где предстояло отбывать срок заключения.

Мы с Лёвой старались быть всегда по возможности рядом. В забой ходили вместе, работали в паре.

Лопата, кайло, лом, тачка, лоток и вода — снаряжение старателя. Золото на Колыме долгие годы добывали сугубо ручным трудом. В дармовой рабсиле недостатка не было. Вот и работали «кувалдометром и ломографом», то есть кувалдой и ломом, да ещё кайлом разбивали кварц, гранит и прочую породу. Тяжёлый физический труд по четырнадцать часов

в сутки, скудное питание, жизнь в лагере вместе с блатными и уголовниками, ругань, драки, вши не оставляли у многих даже искры человечности.

Уголовники, блатяки-рецидивисты, воры в законе могли отказаться от работы. Начальство к ним относилось снисходительно. А 58-я статья держалась в особой строгости. Мы были работягами. Блатные пользовались нашим трудом, им присваивали туфтовые проценты выработки, они получали в качестве вознаграждения дополнительное и более качественное питание и зачёты по сроку. В лагере чаще умирали от поножовщины, чем от голода и болезней. Но любой лагпункт — это не только место, где зэки тянут срок, а ещё и производственный объект со своим планом работ. И начальство должно было управлять этим производством. Поэтому хотя блатные и были столпами лагерного режима, но работяги были нужны.

Наши родные не знали, где мы. Сообщить им о том, что мы живы, не было никакой возможности. Переписку нам запретили. Посылок с воли мы не получали. Взять с нас было нечего. Ни лагерную службу, ни блатных мы ничем не интересовали. Друзей старались не заводить. Нам было достаточно для общения друг друга.

Но вот однажды случилось событие, круто изменившее жизнь.

Чудеса случаются. В обычной жизни, с обычными людьми, в обычный день. То, что случилось с нами, было чудом, изменившим нашу жизнь.

Утро было обыкновенным, серым, нудным, ничем не примечательным. Как всегда мы строем шли на работу. Спустились в забой. Тачка, лопата, откатка породы. К концу рабочего дня руки стали деревянными. В животе ныло от голода. Мы молча делали своё дело, ждали сигнала конца смены. Всё было как обычно. Мы тянули срок. Мы отбывали свои дни. Они были серыми, длинными. Душа не трепетала, не отзывалась на события. Не было гнева, не было радости, полное безразличие.

А нас ждало чудо!

Я много раз думал о том, как неожиданно всё произошло в этот день. Как встрепенулась и ожила вдруг душа. Оказывается, в беспросветной тьме, в самый обычный день, с обычными людьми может произойти чудо. Чудесной была наша находка. Но ещё более чудесной была ожидавшая меня встреча.

Бог был милостив к нам. Событие круто изменило нашу жизнь в этот день. Нам повезло, необычайно, несказанно, как говорили в старых сказках. Это было пятого июня тысяча девятьсот тридцать восьмого года, перед самым концом продолжительного рабочего дня, в забое прииска Фролыч в Чай-Урьинской долине.

Тачка с породой и песком показалась мне тяжелее, чем обычно.

— Ты что, Лев, я же надорвусь!

Я наклонил тачку и сбросил верхний слой песка и камней. Тяжёлый камень глухо шмякнулся поверх этой небольшой кучи.

— Стой! Стой! — Лев схватил меня за руку. Взял камень в руки, поплевал на него, потёр рукавом. Там где осыпались песок и глина, засветился жёлтый металл.

— Самородок! Большой!

Лев бросил его на землю. Схватил лопату и стал на это место быстро насыпать песок, пока камень не скрылся: к нам спешил бригадир.

— Эй, что замешкались?

Я быстро перевернул породу и песок из тачки на самородок. А Лев схватил лопату и стал насыпать новую порцию песка и породы в тачку.

— Да вот, перевернул тачку нечаянно. Сам знаешь, конец смены. Руки уже деревянные, — ответил я.

Мы вновь нагрузили тачку и стали откатывать её по деревянной колее. Раздался удар по рельсе. Конец смены. В забой спустились начальник прииска, старший инженер, охрана. Началась сдача инструмента, металла, поверка, построение.

— Что будем делать, Лев? — шёпотом спросил я у друга.

— У меня есть план. Надо незаметно сдать самому начальнику прииска.

— Да, если найдут, жизни не будет. Забьют, затравят собаками. А оставлять здесь, либо кто другой возьмёт, либо затеряется. Да и сами неизвестно где завтра будем. Надо сдать сегодня, только не бригадиру.

Он вполне мог присвоить самородок. И тогда старатели ничего, кроме неприятностей и опасности, не получают. Возражать бригадиру не имело смысла. На расправу он был скор.

Начальник прииска, немец с Поволжья, Берг, белокурый, высокий, плечистый,

голубоглазый, с чуть припухшими красиво очерченными губами, длинным прямым носом и упрямым квадратным подбородком, шёл уверенной твёрдой походкой хозяина.

Во внутреннюю жизнь лагеря он не вмешивался. Но в забое в конце дня появлялся часто. Осматривал забой, отвалы хвостов, состояние рабочей силы.

— Нам нужны рабочие, а не доходяги, — говорил он начальнику лагеря.

И тот был с ним согласен. И за хозяйскую эту хватку, за умение организовать работу уважал и поддерживал его.

Отчитавшиеся бригадиры уводили своих работяг наверх из забоя. Лагерь привычно строился. Когда начальник прииска поравнялся с нами, я спросил:

— Разрешите обратиться, начальник?

Берг остановился.

— Говорите!

Я понизил голос.

— Мы с напарником нашли большой самородок. Хотели бы сдать лично вам.

Берг подумал.

— Какой самородок, вес какой?

— Около трёх килограммов будет, а может, чуть больше, — ответил Лев.

Берг быстро взглянул на добытчиков.

— Я распоряджусь, чтобы вас оставили.

Он подошёл к начальнику охраны.

— Эти двое пойдут со мной. Я доложу начальнику лагеря. Остальных уводите. Иван Иванович, — обратился он к старшему инженеру, — уезжайте в контору. Меня не ждите.

Резко дёрнулся и повернулся к нам бригадир.

— Так говорите, тачка перевернулась? Ну, я вам покажу тачку, вернётесь, — он понял, что его обошли. И уходил со всеми, бормоча ругательства.

Ушла колонна заключённых. Уехал Иван Иванович с командой.

— Показывайте свой самородок! — приказал Берг.

Мы подошли к небольшой куче породы, разгребли её, достали камень. Глаза Берга вспыхнули. С минуту он молча осматривал самородок, взвешивал на руке. Потом слегка присвистнул. Его рот невольно растянулся в улыбке.

— Больше трёх кило будет. Покажите место, где нашли.

— Вот здесь, начальник.

Берг тщательно осмотрел место. Рассмотрел пустую породу, увидел наличие кварца.

— Где-то должна быть жила в кварце, — сказал он задумчиво.

— Начальник, — обратился Близинский, — дважды такой удачи не бывает. Да и рвали тут породу ещё до нас, давно.

— А это мы ещё посмотрим. Никогда нельзя пренебрегать местом, где нашли самородок. Место находки надо тщательно осмотреть, изучить, и тогда делать вывод: случайный, одиночный этот самородок или, возможно, месторождение. Знающему человеку это о многом скажет. А вы что хотите за него?

— Волю! — сказали мы враз, на едином выдохе.

Берг ничего не ответил, только посмотрел на нас пристально. Ещё раз полюбовался на самородок, отдал мне:

— Заверни аккуратнее. Спрячь.

Махнул рукой:

— Пошли!

Мы пришли не в контору, а к большому деревянному дому начальника. Двор был обнесён высоким забором. Охрана, в виде двух свирепых овчарок на цепи, встретила яростным лаем.

— На сегодня вы — мои гости. Сейчас идите в баньку. Одежду, до единого лоскута — в топку. Принесут всё чистое.

Он взял самородок и пошёл в дом.

Через минуту из дома вышел армянин. Проводил нас в баньку. Принёс веники, мочалки, мыло, полотенца. Снятую одежду брезгливо бросил в топку. Усадил на табуретку, побрил голову и лицо. Когда мы, напаренные, намытые, очищенные до блеска, вышли в предбанник, тщательно оглядел тело. Затем пригласил ещё раз ополоснуться и выдал чистую одежду.

— Ну, раз нас так очищают, значит, сегодня в лагерь не вернёмся, — сказал я.

— Санпропускник что надо! Ни одной вошки не осталось, — заметил Лев.

Чистое бельё приятно холодило тело. Армянин улыбался от уха и до уха.

* * *

Он повёл нас в дом. На застланном полотняной скатертью столе стоял ужин. Вошёл хозяин. Оглядел придиричиво, хмыкнул удовлетворённо. Очевидно, остался доволен чистотой.

— Что ж, старатели, познакомимся. Меня зовут Отто Карлович Берг. Я начальник прииска. Вы, наверное, это знаете. А вас?

— Романов Михаил Михайлович.

— Близинский Лев Наумович.

— Откуда вы к нам прибыли?

— Мы оба москвичи, — ответил Лев.

— А по профессии?

— Я врач, — сказал я.

— Я ювелир.

Берг при словах Близинского приподнял одну бровь. Видимо, это известие его заинтересовало.

— Прошу за стол.

Берг налил спирт из небольшого стеклянного запотевшего от холода графина в гранёные стаканы.

— За знакомство!

Выпили. Запили студёной водой. С наслаждением, не торопясь, стали есть. Огурчики, грибочки, жаркое, красная рыбка, даже картошечка, о которой на Севере можно только мечтать. После жидкой баланды, тухлой рыбы, перловой или овсяной каши стол был сказочным. Всё хотелось хватать, запихивать в рот и есть, есть, есть. Но мы сдерживали себя.

Хозяин, видимо, понимал состояние своих гостей и не мешал разговорами. Мы старались вести себя, как люди приличные. Поели не торопясь, и в меру. Человеческий облик из-за еды не потеряли.

— Как же вы угодили в зону?

Он вопросительно взглянул на меня.

— Не пойму до сих пор. Кто-то донёс, что я неправильно лечу людей, связан с какими-

то заговорщиками, залечиваю людей до смерти. И засадили в тюрьму как «врага народа» на десять лет. Хорошо ещё не расстреляли. А я вообще никого из этих заговорщиков не знаю, — сказал я.

Пока я говорил, Лев увидел за спиной Берга женщину. Она показала пальцем на меня и приложила палец к губам. Это был явный запрет говорить. Повторив этот жест ещё раз, и глядя с каким-то непонятным тревожным выражением на меня и затем на Берга, она так же молча и быстро исчезла. Близинский ничего не понял. Но то, что лучше о чём-то промолчать, он усвоил.

— Ну а вы? — Берг обратился к явно озадаченному Близинскому.

— По одной статье мы, по пятьдесят восьмой, — ответил Лев сдержанно.

— Почему отдали самородок мне лично? Не старшему? Соблазна оставить себе не было?

— Нет! — ответили хором.

— За волюшку любой самородок отдадим, — сказал Близинский.

— Воля нужна, — подтвердил я. — А бригадиру, конечно, можно было отдать, но ведь такой самородок он наверняка бы приписал себе. А нас, чего доброго, можно и на ножичек поднять. Пёрышко в бок — и никаких проблем. Свидетелей не будет. Ему же зачёт идёт. А он с блатными в дружбе.

Берг покачал головой.

— Нам для начала хотя бы режим облегчить. Хоть какую-то волю получить. Осточертело работать на блатных.

Лев не питал больших надежд.

— О воле пока говорить рано. Попробую договориться с лагерным начальством, чтобы оставить вас временно у себя.

— Спасибо. Для нас это очень важно.

— Работа для вас будет. А сейчас пока несколько дней отдохнёте. Постарайтесь не светиться, в посёлок не выходите. Сами понимаете, посёлок маленький, а я не Господь Бог. Даже когда договорюсь о вас с лагерным начальством, ваше пребывание здесь не должно быть всем известным. Я за вас отвечаю, вы должны это понимать и не делать глупостей. Спокойной ночи.

— Спокойной ночи, — ответили мы.

Берг вышел. Разговор на этом был окончен. Тут же появился вездесущий армянин. Пригласил нас следовать за собой.

— Будете жить в гостевом доме.

Мы вышли на улицу. Я оглянулся. В ярко освещённом окне мелькнуло женское лицо. Всего лишь момент длилось видение. Но сердце забилося в груди гулко и тревожно, во рту мгновенно пересохло, ноги стали ватными. «Что за наваждение?» Я ещё раз оглянулся. Но окно уже было пустым. «О, Господи! Галлюцинации у меня, что ли? Не может быть, чтобы это была она. Не бывает столько чудесных неожиданностей в один день», — подумал я и пошёл вслед за армянином. Но сердце продолжало тревожно вибрировать. Мы зашли в гостевой дом. Я был в смятении. Сердце защемило так, что я едва дождался ухода армянина. Молча разделся и лёг в кровать.

В гостевом доме было две комнаты, пахло смолистым деревом, было тепло и уютно. То ли сытная еда, то ли усталость, то ли мягкая и чистая кровать сделали своё дело. Несмотря на тревогу, я заснул мгновенно. И снился мне дом, мать, почему-то в белом платочке, гладила

меня, мальчишку, по волосам. А потом театр, где я встретил её, Люську. И она улыбалась и плакала. А я любовался её золотистыми кудрями и был счастлив. Вдруг хлынула лавина света, и Люська растворилась в нём. Я проснулся. Яркий солнечный луч светил в глаза через окно. Я повернулся на бок и увидел в проёме двери Лёву.

— Лев, как ты? Я вчера мгновенно заснул и не спросил тебя ни о чём.

— Я тоже заснул. Похоже, мы оба отключились почти сразу.

— Лев, когда ты отвечал Бергу, я заметил какую-то тревогу или недоумение у тебя в глазах.

— Я увидал в проёме двери за Бергом женщину. Она приложила палец к губам и мгновенно скрылась. Я понял, что надо помалкивать.

— Как выглядела эта женщина?

Тревога вернулась вновь. Сердце остановилось, замерло на мгновение, а потом я ощутил сильные, взволнованные его удары.

— Высокая, красивая, такая лобастая. Да я разглядеть не успел. Она почти сразу скрылась. Мне показалось, она указывала на тебя, — ответил Лев.

— А волосы, волосы какие?

— Золотистые, кудрявые, длинные.

— Это — она.

— Кто — она?

— Люська, моя Люська! Боже мой, как она очутилась здесь? Я увидел её вчера в освещённом окне. Но не поверил себе, засомневался.

Я вскочил с кровати и хотел бежать. Лёва схватил за руки.

— Стой! Ты же не одет! Да и давай подумаем. Она приложила палец к губам. Значит, её нельзя узнавать. Ты подумай. Подумай! Она показала, что надо молчать. Я теперь понимаю, что это к тебе относится.

— Но почему она тебе показала, а не мне?

— Да это же ясно! Ты к ней сидел спиной. Разговаривал с Бергом. Ты бы повёл себя не так. Вскрикнул бы. Узнал и бросился к ней. А тебе нельзя её узнавать. Жди. Она сама под каким-либо предлогом придёт и всё объяснит. Жди и молчи. Понял?

— Ты, Лев, как всегда, прав, — сказал я, подумав.

Что-то во мне потухло, и я медленно сел на кровать.

— И ещё. Я тут кое-что заметил. Поэтому на опасные для нас темы говорить будем на улице. И даже там с оглядкой. Наблюдай и за каждым словом следи, думай, что говорить, а о чём лучше промолчать, даже если тебе кажется, что никого нет рядом.

— Что же ты заметил?

— Слуховые дырки в стене, — понизил голос Лёва. — Молчи. Потом расскажу.

Через некоторое время зашёл армянин. Принёс завтрак. Сказал:

— Вот, мужики, ешьте. Обед будет в два часа дня. Можете погулять по лесу. В посёлок не ходите. Выход в лес через заднюю калитку.

— Как звать-то тебя? — спросил Лев.

— Зовите Врангулой.

— Это имя или фамилия? Какое-то странное. Что означает?

— Да это кличка. Мне в лагере дали. Я привык.

— Врангула, нам бы почитать что-либо, — спросил Лев.

— Хорошо бы ещё шахматы и радио, — попросил я.

— Я скажу хозяину.

— Ну что ж, — отметил Лёва, — это, конечно, не лагерь, но и не свобода. Не забывай, милый мой, что ты ещё зэк, хотя везучий.

— Какое-то ощущение нереальности событий. У меня голова идёт кругом. Мы чистые, лежим на кровати на чистых простынях, нам не надо строиться, никто не орёт, не обыскивает, не воняет. Тело не чешется от укусов вшей. Мы везунчики, Лёва.

После завтрака нам нечего было делать, решили прогуляться. Мы вышли из дома и прошли через заднюю калитку в лес. Вдали виднелись сопки, покрытые стлаником. Под ногами была тропа, но не утоптанная, а просто след человека на мягком мху. Летом Заполярье необыкновенно приятно. Солнце не жжёт, но светит ярко. Небо в отличие от юга светло-голубое. Север почти не знает полутонов. Все краски в основном сочные и насыщенные. День тянется нескончаемо. И только на несколько коротких часов скрывается солнышко. Наступают белые ночи.

А сейчас мы шли по этой мягкой тропе и дышали воздухом, напоённым ароматом лесотундры. Пряно пахло багульником, звенела комариная стая. Просто чудо — нет рядом охраны, нет соседей по лагерю. Это ощущение от прогулки не передать: мы свободно идём по лесу!

— А кто это, твоя Люська? Помнится, жену твою зовут Юлей.

— Любовница.

Лев пристально посмотрел на меня.

— Ну да. Ты видный мужик. У тебя небось и баб много.

— Да нет. Одна у меня любовница. Жене я раньше не изменял. И жену я свою люблю. Они очень разные. Жена у меня спокойная и очень подходящая, надёжная женщина.

— Везёт же тебе! — сказал Лев с завистью. — А моя — стерва. Но я по ней всё равно скучаю. Ну, жена у тебя спокойная и надёжная. А эта?

— Эта — огонь. Но как она сюда попала? Что она делает в этом доме? — Я замолчал, вопросы настойчиво сверлили мозг.

— Со временем ты всё узнаешь. Ты подумай спокойно, не горячись. Оцени всю ситуацию. Остынь. Вы же расстались неожиданно, — раздумчиво сказал Лев. — Ты пропал и всё, без всякого предупреждения. Времени порядком прошло. Что она должна была подумать? Жди и ничего не показывай. Она наверняка явится. Потом решишь, что можно делать, а что нельзя. Мы не должны снова попасть в лагерь.

— Да, Лев, ты прав. Надо успокоиться и ждать. И вот что, Лев, о ней больше ни слова. А что ты обнаружил особенного в доме?

— Отверстия в стене. Стена там, очевидно, двойная. Ну а дырки оформлены под сучки в дереве. Я проснулся, лежу, наслаждаюсь, вдруг почувствовал взгляд и наткнулся на блестящий глаз в дырке стены. Он мгновенно исчез.

— Понятно. Значит, мы будем под наблюдением.

— А почему ты так странно её называешь — Люська? — переключился Лев.

— Это привычка. Когда мы познакомились, она сказала, что звать её Людмила. Однако все друзья и подруги зовут Люськой.

Я не хотел разговаривать с Лёвой о своих интимных отношениях с женщинами. Было тревожно. Очень тревожно. И радостно, и горько одновременно. Люська в доме Берга. Она его жена. Это — несомненно. Я не мог поверить, что она меня забыла. Но Лев был прав. Сначала надо узнать, как она сюда попала. Высовываться нельзя. Узнает Берг о нашем

знакомстве и опять в лагерь возвратит. И прости-прощай гостевой дом. А он мне успел понравиться.

* * *

Эти дни отдыха были нам необходимы. Мы отходили душой и восстанавливались физически. Читали книги, газеты, слушали радио, играли в шахматы, вели беседы о жизни, о духе, о человеке в этом мире. Берг навещал каждый вечер. Приходил ненадолго. Задавал односложные вопросы. Отмечал, что отдых и жизнь в гостевом доме идут нам на пользу.

Однажды заговорил на интересующую нас тему.

— Поймите, — сказал он, — чтобы получить волю и жить свободно, нужна реабилитация. Для этого надо писать в Москву. Отправлять письма в Москву в соответствующую инстанцию вам никто не позволит. Вы ведь осуждены без права переписки. Так?

— Да, наши родные не знают, где мы и живы ли.

— Значит — надо ждать okazji. Но письма вы на всякий случай напишите. Пусть будут готовы. На ближайшее время я с большим трудом договорился с начальником лагеря, что вы будете работать у меня и жить пока здесь. Вас перевели в расконвоированные. Это уже много.

Через неделю утром Врангула сообщил:

— Уехал начальник в Магадан. Сказал передать, придет — будете работать.

Мы понимали, что найти жилу — это ещё не свобода. Будешь батрачить, пока её не выработаешь. Найдёшь ещё один самородок, будешь искать снова. Ничего не найдёшь, опять лагерь или что похуже. А жизнь? Списать двух зэков — дело плёвое. Хочешь жить, надо быть нужным. Лучше уж батрачить на Берга, чем работать в забое и жить в лагере.

Про добровольно завербовавшихся на Колыму обычно говорили: «Приехал за длинным рублём». Многих привлекали деньги: зарплата выше, чем на материке, процентные надбавки, выслуга лет, большой отпуск, бесплатный проезд со всей семьёй в любой конец Советского Союза во время отпуска. Дальстрой давал золото, а золото — деньги и почёт.

Немало было энтузиастов, стремившихся обжить Север, испытать себя в суровых условиях Севера.

Были и такие, как Берг. Что такое «длинный рубль»? Смешно. Сегодня он есть, а завтра его нет. А вот металл, он всегда металл. Не ржавеет, не убывает, всегда в цене.

Берг закончил геологоразведочный факультет. Завербовался в Дальстрой. Он не мечтал о разведке недр. Романтика таёжной жизни, длинные переходы с тяжёлым рюкзаком за плечами его не увлекали. Он использовал кое-какие связи в Магадане и получил пост начальника прииска Фролыч.

Берг понимал, что должность начальника этого прииска — выгодная должность. План был не велик, прииск считался почти выработанным. Но когда стали работать в закрытых ранее забоях, вновь промывать отвалы, пошло золотишко.

Чувствовалось, что работа здесь велась спустя рукава. Лагеря были слабыми: зэков много, а работников мало, в основном «доходяги». «Доходягами» называли больных, обессилевших из-за тяжёлой работы и плохого питания заключённых. В 1937 году лично Сталин заинтересовался Колымой как перспективным краем добычи полезных ископаемых, прежде всего золота. Перед государством стояла задача строительства дорог и развития соответствующей промышленности. Обозначение золотоносных районов на Колыме и начало их эксплуатации государством началось в 1928–1929 годах. В 1931 году был создан Дальстрой. В 1938 году Дальстрой был официально включён в состав НКВД. Первого сентября «в целях приближения руководства к производству» выделено самостоятельное Западное горнопромышленное управление для освоения бассейна реки Берелёх, с центром в посёлке Сусуман. Специализацией этого района являлась добыча золота. Для укомплектования нового управления выделялось двадцать два работника высокой квалификации, пять грузовых и три легковые автомашины, пять лошадей.

Одним из приисков, входящих в это управление, был Фролыч, куда и попали наши герои. Им повезло, потому что этот год был поворотным в истории лагерей. Колымские лагеря всегда отличались особой жестокостью режима и высокой смертностью заключённых. Однако в 1938 году состоянием лагерей, и особенно — колымских, заинтересовался Президиум Верховного Совета СССР. Был издан ряд документов, регламентирующих содержание заключённых. В указе Президиума Верховного Совета СССР «О лагерях НКВД СССР» прямо говорилось: «Лагерную рабочую силу снабжать продовольствием и производственной одеждой с таким расчётом, чтобы физические возможности лагерной рабочей силы можно было использовать максимально на любом производстве». Несанкционированные расстрелы прекратились.

Берг был очень рад такому повороту событий. Лагерное начальство сменилось. Новый начальник лагеря не был тупым и жестоким человеком. С ним вполне можно было работать.

Берг был уверен, что сумеет организовать работу и найти стимул для работников. И он его нашёл. Он одним из первых ввёл систему зачётов. Десятники следили за старателями и

вели учёт сдачи золота своей десяткой. В конце сезона подводился итог. Хорошие показатели уменьшали срок. За один день хорошей работы засчитывалось два, а то и три дня. Позднее эта система была распространена на все прииски. По его настоянию в лагере изменили питание. От цинги стали давать отвар стланика, который заготавливали сами заключённые. Охранниками были в основном отсидевшие срок блатные. Сменили охрану. Прииск стал выполнять план и наращивать потихоньку добычу золота. Берга стали уважать в Магадане как перспективного начальника прииска.

Самородок, которым эти двое заплатили за свою относительную «временную свободу», остался у Берга в сейфе. «Надо использовать этот шанс, — решил он. — Начну ковать свой капитал с этого камня. Риск минимален. Эти двое друзей у меня в руках. Они не захотят возвращаться в лагерь, будут молчать и работать на меня. Отчаянности в них нет. Бежать им некуда».

Совершить побег с Колымы в то время практически было невозможно. Уйти морем без документов нельзя, самолётом тем более. Колымская трасса, или, как её в те далёкие времена называли, «дорога жизни», продолжала строиться, но была ещё далеко не окончена. Слишком труден и непробиваем был путь. Горы, хребты, тайга — всё это препятствия не только для строителей дороги, но и для беглых.

* * *

Берг ещё учился в школе, когда к матери приехал в гости брат из Берлина. Как он пробрался в Россию, одному богу известно.

Он вёл с племянником разговоры о жизни, как её строить, как сколотить капитал, как вырваться из Совдепии. Он внушал ему, что он немец, ариец, человек высшей расы, господин. Всё это ложилось на неокрепшую психику ребёнка. Вдвоём они наметили специальность и приблизительный путь. Дядя плёл свою паутину. Отто принимал её за заботу близкого человека. Он был ещё слишком юн, чтобы понимать, какую отраву дядя вливает ему в душу и как далеко это может его завести. У дяди были на его счёт свои далеко идущие планы.

В один прекрасный день дядя исчез и более не появлялся, весточек не присылал. В доме не принято было о нём вспоминать. Мать стремилась сгладить влияние дяди. Она прививала своему сыну любовь к той земле, которая была ему сейчас Родиной.

Однако его разговоры принесли свои плоды. Для окружающих Берг был умным, деловым, надёжным и свойским парнем. Но его открытость была лишь видимостью. Сделать карьеру, стать богатым и независимым — стало самым главным его делом и стремлением.

Такой большой самородок, безусловно, был сенсацией. И место ему было в музее. Но Берг не намерен был делать сенсацию из самородка. Ему надо было сколотить капитал, а для этого он наметил найти жилу и заложить шахту. Шахту использовать для себя. А людей для работы взять не болтливых, полностью зависящих от него. И в будущем они ему пригодятся. Два человека для такой шахты вполне достаточно. Это ведь не государственный масштаб. Иметь от большой реки маленький ручеёк.

Берг поехал в Магадан с новыми предложениями об организации работы прииска. Получив добро на свои предложения в соответствующих инстанциях управления Дальстроя, он получал возможность работать и в своих интересах: забой, где был найден самородок, планировалось закрыть как выработанный.

Однако начальнику лагеря на прииске Берг заявил, что он хочет опробовать более новый прогрессивный метод добычи золота. И будет вести работы в этом старом забое с помощью двух временно проживающих у него эков.

Люськин профиль в окне... Как? Почему она здесь? Один только миг мелькнула она. Но я знал, ошибки быть не могло. Её присутствие всегда одинаково мной ощущалось. Не глазами я узнавал её, а сердцем. Оно мгновенно замирало, а потом бешено колотилось. Мир переворачивался, летел кувырком, медленно вращался, возвращался на место. Но был уже иным, освещался иначе, жизнь приобретала очарование. Это было как солнечное утро, когда просыпаешься полным сил и радостного ожидания предстоящего дня.

Наша первая встреча.

Я взял билеты в театр. Но жена Юля почему-то не захотела пойти.

Во время антракта зрители прогуливались по вестибюлю небольшими группами или парами друг за другом по кругу и вели светскую беседу. А я стоял в углу и наблюдал за этим перемещением. И вдруг взгляд буквально выхватил из толпы женщину. Я ощутил удар в сердце, оно замерло, потом бешено заколотилось, всё куда-то полетело, закружилась голова. Когда справился с этим, её уже не было рядом. Но я увидел издали сияние её пышных волос. И направился прямо к ней. Я ощутил непонятную робость перед женщиной. Во рту всё пересохло. С трудом преодолев себя, я робко взял её за руку.

— Извините, у меня к вам очень важное и неотложное дело. Вы помните, мы встречались... у Марии?

— У Марии? — Она явно не помнила и от этого чувствовала неловкость. — Очень важное дело? — был шуточный вопрос.

— Непременно, важное и не терпящее отлагательства, — отвечал я серьёзно. — Пойдёмте со мной.

Я заметил спутника и несколько смутился.

— Прошу прощения. Разрешите мне забрать вашу спутницу на несколько минут.

— Мы уже переговорили с Серёжей об интересующих нас вопросах. И я могу уделить вам немного внимания.

Она сделала Серёже прощальный жест рукой. Серёжа хотел возразить, открыл рот, но поглядел на мои широкие плечи и так и остался стоять с открытым ртом. Героем он не был.

Мы прошли в зрительный зал. Я предложил ей сесть на свободное место рядом. Открывшийся занавес и конец антракта избавили от дальнейших объяснений. Да я и не знал, что скажу ей в следующую минуту.

— Отложим разговор до окончания оперы, — сказал я шёпотом.

Она, молча и не глядя, кивнула.

Потом мы долго ходили по улицам Москвы. Обсуждали артистов, говорили о жизни. Я смотрел на незнакомую, случайно встреченную женщину, и в душе рождалось тепло. Общение с этой женщиной тревожило, обещало неизведанное раньше удовольствие. Было уже поздно. «Юля, наверное, волнуется. Надо быть решительнее», — подумал я, остановился и внезапно спросил:

— Мы разговариваем, а я не знаю, как тебя звать.

Этот резкий переход на «ты» неуловимо снял барьер, как будто мы были знакомы раньше.

— Людмила. А вообще-то все друзья и подруги зовут меня Люськой.

— Михаил. Мне очень приятно наше знакомство.

Люськины глаза светились всё тем же светом и искрились смехом, как и в первый момент встречи. Но постепенно сомнение и смех исчезли из её глаз. Я пристально и серьёзно поглядел на неё. Она была прекрасна; тёплый румянец щёк, глубокие, ставшие тёмными, распахнутые глаза, длинные золотистые кудрявые волосы. Но не это было главным. От неё шло душевное тепло, она была притягательна. Я не мог больше сдерживаться и обнял её. Она смотрела не мигая, как загипнотизированная моим пристальным взглядом. На дне её непостижимых глаз я видел мерцающие искры.

Всё было волшебно. Я хотел поцеловать её так нежно, чтобы завтра утром, проснувшись, она ощутила на губах эту мою нежность, бережное прикосновение. Но вышло иначе. Приподняв её лицо, я ощутил бешеное желание. Я отдал его своим горячим требовательным губам. Услышал тихий стон, отозвавшийся сладким эхом в сердце, невольно прижал её сильнее. Её взгляд стал серьёзным и вопросительным. «Остановись», — приказал я себе. Отступил на шаг и виновато улыбнулся.

— Прости меня. Я хотел этого с первого мгновения.

— Я чувствовала, что это произойдёт, — сказала она и мило улыбнулась. — Я не сержусь.

— Мы обязательно продолжим наше знакомство, — я протяжно вздохнул. — А сейчас уже поздно.

Я остановил такси. В машине мы не разговаривали. Людмила была смущена. Когда мы остановились около подъезда, я открыл дверцу машины, помог ей выйти и сказал:

— Как жаль, что вечер кончился. Время, как назло, идёт очень быстро. Завтра утром на работу. Прощу тебя, дай мне адрес и, если есть, телефон. Я не хочу тебя потерять.

Я дал ей записную книжку и карандаш. Людмила записала свой адрес и телефон.

— Думаю, что моя жизнь круто изменит свой путь. У меня предчувствие, что дело, по которому ты подошёл ко мне, действительно важное.

Она тихо засмеялась.

— Важнее не бывает.

— Кстати, а когда мы встречались у Марии?

— А у тебя есть подруга Мария?

— Да, есть. Это моя близкая подруга.

Я захохотал, а Людмила недоумённо посмотрела на меня.

— Да не смотри ты на меня так. Я никакой Марии не знаю. Просто надо же было как-то начать разговор и не получить отказ. Вот я и сказал наугад первое, что мне пришло на ум.

Мы смеялись теперь уже вместе.

— Ты назвал Марию, а не кого-то. Значит, это судьба.

— Да, наша встреча, очевидно, не случайна, — согласился я.

Прошло немного времени, мы стали встречаться. Мы любили друг друга просто потому, что не могли не любить. Я сказал Людмиле, что женат, что у меня хорошая жена, что семья для меня — святое. Она не плакала, не скандалила, не упрекала. Погрустила, но не показала, насколько это её тревожит. Ей нравились наши встречи. Я старался принести ей радость и праздник, был пылким, нежным и заботливым.

Конечно, мне было стыдно перед Юлей. Но эта страсть была сильнее меня. В конце концов я убедил себя, что это явление временное, скоро пройдёт. Но как-то не проходило.

Я опасался, что Юля чувствует какую-то перемену в отношениях. Я старался вести себя так, чтобы её не обижать. Юля, спокойный и добрый человек, моя семья, мать моих детей. А

«семья — это святое». Я так и относился к жене и детям. Юля — моя жена, мой надёжный тыл, опора, моя часть. Я не мыслил жизни без неё.

А Люська была озарением, тревогой, небольшим сумасшествием. Всё умещалось в моей жизни, не вызывая противоречий и сомнений. Вместе с работой всё делало жизнь наполненной, интересной, счастливой. Я любил двух женщин. Так бывает. Я не мучился от раздвоенности, а жил себе спокойно, радуясь жизни и не делая трагедии. Человек очень часто по природе не однолюб. Юля для меня была, прежде всего, матерью моих детей, ещё — другом, родным человеком, сестрой и даже немного матерью. А Людмила — страстью, обновлением, чувственным пожаром.

С момента появления в доме Берга, с момента, когда я увидел в окне Люську, я был напряжён до предела. Ожидание встречи выматывало. Прошла уже неделя. Она не появлялась. Мысли о ней тревожили и не давали спокойно спать.

В каких она отношениях с Бергом? Почему она здесь оказалась? Пошёл второй год нашего расставания. Что она могла подумать о моём внезапном исчезновении? Что знала о несчастье, об аресте?

Говорить с Лёвой о ней я не мог. Ощущал понятную человеческую неловкость. Вряд ли Лёва поймёт, как можно любить сразу двух женщин. Да и было всё глубоко личным, затаённым.

И, кроме того, неизвестно, где нас слышат, а где нет. Лев в первый же свой приход в гостевой дом заметил в стене небольшие слуховые отверстия. Он проснулся рано и лежал, наслаждаясь ощущением чистого тела, белых простыней и мягкой постели, то есть всего того, чего мы были лишены в лагере. Внезапно потянуло воздухом с улицы. И в отверстии высветился блестящий глаз. Очарование исчезло.

Мы были уверены, что Врангула — глаза и уши Берга. Думали, что он приставлен подглядывать, подслушивать и вообще следить за нами.

Вскоре Врангула сообщил, что Берг уехал в Магадан. Я ждал, что Люська тут же прилетит, успокоит и всё расскажет. Я ждал днём, прислушивался к каждому шороху ночью. Думал, что она прибежит в первое возможное мгновение. Но она не появлялась. На третий день после того, как Берг уехал в Магадан, в очередной раз проиграл Льву в шахматы, лёг и заснул.

Проснулся внезапно ночью. Почувствовал, — в комнате я не один. Быстро поднялся. Лёгкая тень бросилась ко мне, прижалась к груди. И я, как всегда, ощутил, что мир прекрасен. Её губы были как прежде горячими и нежными, руки обнимали и гладили. Ни одного вопроса мы не задали друг другу, ни одного слова не сказали. Мы лежали молча. Но когда наши губы встретились, всё перестало существовать. Душа наполнилась радостью жизни, внутри задрожала каждая частичка, любовь заполнила сердце, душу и обернулась желанием, страстью. И эта страсть была всепоглощающей.

Я не помнил, чтобы хотел женщину настолько сильно. До сих пор я не испытывал всей меры желания. Она заполнила всё — тело, сердце, разум. Она была рядом, такая тёплая, такая нежная, такая долгожданная, восхитительная. Наши движения, наши удары сердца сливались воедино. Смятение чувств нарастало, вспыхнула и погасла радуга. Наступила блаженная тишина.

Что бы ни случилось раньше, что бы ни случилось потом, мы вновь обрели друг друга. Время для размышлений придёт позже.

Когда мы немного успокоились и я хотел задать первый вопрос, Людмила прошептала в

ухо:

— У нас нет времени на разговоры. Я ещё приду. Завтра идите с Лёвой в лес на прогулку. Идите к горе Лысый Дед, она далеко видна. Я вас встречу. Идите сразу после обеда.

И она выскользнула, подошла к стене перед кроватью и исчезла. А я остался с горящей головой и сердцем, которое билось набатом в груди.

На другой день я едва дождался «после обеда». Пошли на прогулку. И около сопки Лысый Дед встретили Людмилу. Она была в спортивном костюме и накомарнике. Не было видно её прекрасного лица. Только глаза блестели сквозь черную сетку. Рядом с ней шёл Врангула. Я был разочарован, хотел видеть её лицо, заглянуть в глаза, а накомарник всё скрывал. К тому же присутствие Врангулы не давало возможности поговорить. Надо было следить за голосом, жестами, поведением. Мы поздоровались с Врангулой, и Лев сказал:

— Врангула, познакомь нас со своей спутницей.

Врангула представил:

— Это Людмила, хозяйка дома и жена начальника прииска. А это, — Врангула повернулся к Людмиле и указал рукой в сторону встреченных мужчин, — Людмила, временные жильцы нашего гостевого дома — Михаил и Лев.

Мне стало горько при слове «жена». Немного прошли по тропинке, поговорили о погоде, обилии комаров и красоте пейзажа и вернулись домой. Говорил Лев. А я молчал, боялся себя выдать.

Я оценил предусмотрительность Людмилы. Врангула наверняка скажет Бергу о случайном знакомстве, и если он нас увидит разговаривающими, это не вызовет недоумения. Так, случайно познакомились, перекинулись парой слов.

Начались наши встречи, короткие, тайные. Всё стало ясно. Людмила рассказала мне о своих переживаниях после моего исчезновения.

Она долго ждала, раздастся звонок, Михаил откроет дверь, возникнет на пороге, откроет объятия. Начнётся праздник радости для души и тела. Но шли дни. Телефон молчал. В дверь не звонили. Возникло недоумение. «Почему он не идёт?» Затем обида. «Он бросил её, не сказав ни слова, не попрощавшись». Но внезапно в душе проснулась тревога настолько сильная, что она решила явиться ко мне на работу и узнать, что случилось. Она узнала об аресте и решила под каким-нибудь невинным предлогом поговорить с женой. Но к тому времени Юли уже не было в Москве. Толстый, с одутловатым лицом мужчина из соседней квартиры сказал:

— Да что вы его ищете, дамочка? Его, подлюку, арестовали ночью. Больше его не видели. А жена с детьми уехала то ли в Саратов, то ли в Томск. Он где-нибудь на Лубянке загорает.

Людмила ходила на Лубянку. В конце концов она поняла, что искать бесполезно. Знающие люди намекнули, что мало кто в живых остаётся, если его забрали ночью. Ставят к стенке и расстреливают. Лучше прекратить поиски, если сама хочет на свободе жить.

Вот здесь ей и подвернулся Берг. Он уезжал на Север, и ему срочно нужна была жена. К тому времени Людмила уже достаточно знала об арестах и расстрелах. Громкое дело Ягоды закончилось. Михаил там явно не фигурировал. (Очевидно, потому, что я не подписал протокол признания, а до конца отрицал свою вину.) Она считала, что меня нет в живых. На сердце — непроглядная тоска. И фактически ей было всё равно, что делать со своей жизнью. Подруга Мария старалась вытащить её из ямы уныния. Людмила и сама понимала, что жизнь продолжается и надо её как-то устраивать. Предложение выйти замуж и иметь серьёзный

статус жены было для неё спасением. В том обществе, где Людмила постоянно вращалась, она не могла быть воспринята иначе, как девушка для развлечений. С этим надо было кончать. Подспудно Мария заронила в неё маленькую искорку надежды встретить меня на Колыме.

Она рассказала о своих поисках и переживаниях. И заключила свою исповедь словами:

— Берг помог мне в трудный момент моей жизни. Он хороший друг, заботливый и ненадоедливый. И какое это удивительное событие, что мы с тобой встретились!

— Да, Людмила, земля круглая, — сказал я, выслушав её рассказ.

— Мне было страшно. Это здорово, что мы всё-таки встретились! Могли быть рядом и не знать этого. Всё-таки есть Бог на свете!

— Людмила, прошло достаточно времени. Ты его жена. И ваш брак не фиктивный, как я понимаю.

— А что ты хочешь? Ты понимаешь, в каком я была состоянии, когда узнала, что тебя, возможно, расстреляли! Но потом Мария сказала, что ты можешь быть на Колыме. Я не надеялась. Так, маленькая искорка надежды тлела в душе.

Её глаза наполнились слезами. Лицо побледнело.

Мне стало стыдно. Я сам готов был заплакать.

— Брось, не переживай. Главное, что мы живы и встретились. Остальное переживём.

— Да, наш брак не фиктивный. Но это не любовь. Это сожительство. А что ты хочешь услышать? Я ведь согласилась быть его женой. Он не навязывает мне постоянно своё присутствие. У каждого из нас своё жизненное пространство. Он — моя защита здесь. Отто порядочный человек. Но он пока закрыт для меня. Я не имею доступа к его мыслям, планам, мечтам. Даже о вас он не сказал мне. Я могу судить только по его поступкам.

— Но мне не нравится, что он имеет на тебя право.

— Однако ты жена, и твоя жена имеет на тебя право. А я, зная это, никогда не предъявляла тебе претензий. Нас связывает добровольный союз, он не исключает того, что мы живём в мире других людей и имеем с ними связи. Ты ведь не бросишь из-за меня свою жену и детей?

— Нет, не брошу.

— А я не только не поссорюсь с тобой из-за этого, но помогу тебе и ей найти друг друга. Ты ведь сам всегда говоришь: «Семья — это святое».

— Да, я очень тоскую по жене и детям.

— Вот видишь, наша связь не имеет будущего. Пойми, Михаил, я не могла завербоваться и искать тебя здесь. Я женщина, а женщина на Колыме должна иметь защиту. Нас здесь очень мало. И мы уязвимы. Надеюсь, ты это понимаешь. Берг — моя защита, моя стена. Я защищена только вблизи своего дома, пока считаюсь порядочной женщиной. Вот почему мы должны быть очень осторожны.

Она была права. Но ревность не отпускала. Я терзался, просыпался в холодном поту, представляя Людмилу в объятиях Берга. Если, живя в Москве, я мог дать ей какую-то радость, и вполне можно было мириться с тем, что я принадлежу ещё семье, работе, отдельной от неё жизни, то здесь я ничего не мог дать ей, кроме опасности и забот. Мы полностью зависели от Берга. Я очень тосковал по жене и детям. Если Людмила поможет связаться с семьёй, я должен ей в ножки поклониться. «Господи, помоги нам вырваться отсюда». Я молил Бога только об одном. Тоска по воле и по семье не оставляла. И Людмила это чувствовала.

Шли дни. Мы привыкли к Врангуле и его посещениям. С наступлением холодов свободного времени стало больше. Врангула не хотел коротать его в одиночестве. И то сказать, собеседников у него было маловато. В гости он никуда не ходил. Людмила и Берг с ним разговоры не вели. А вот с Лёвой порассуждать на житейские и философские темы ему было интересно. Я редко ввязывался в их разговор. Теперь уже втроём устраивали шахматные турниры. Оказалось, Врангула был до них большой охотник.

В этот раз Берг уехал по делам в Сусуман. Врангула пригласил нас к себе. Лев взял шахматы и отправился в гости, а я остался дома. Была надежда увидеться с Людмилой.

Она пришла, слегка запыхавшаяся, румяная с мороза, пахнувшая снегом и морозным воздухом. Мгновенно ушли все тревоги. Я схватил её в охапку, закружил по комнате.

— До чего же хорошо, что ты пришла! Если бы ты только знала, как я был разочарован, когда увидел тебя в первый раз при дневном свете. Я надеялся увидеть твоё лицо. Ты его закрыла сеткой. А я так натосковался, так хотел утонуть в твоих глазах!

— В нашем распоряжении есть часа два. Давай их потратим с толком. Мы так давно не говорили с тобой ни о чём. Всё как-то наспех, скомкано. Я не знаю, чем и как ты живёшь.

— Брось, Людмила. Какая разница, чем и как я живу. Мне порой кажется, что я вообще никак не живу. Всё пустое. Только когда ты придёшь, оживаю.

Мы сели рядом на узкую железную кровать. Я потянулся к ней, обнял за плечи, губами захватил её ухо.

— Ну вот, опять тебе нужно от меня только одно.

— Нет, милая. Не только одно. Ты это на что намекаешь? Мне ты вся нужна. Но мы же не в Москве. Ни в театр, ни в ресторан, ни в весёлое общество я тебя не могу пригласить. Остаётся только самое сильное и радостное — желание. И так редко это бывает.

Я стал её целовать, тискать руками, раздевать и узнавать знакомые места. Так что Людмиле пришлось подчиниться.

Когда я, разнежившийся, успокоенный, томный, молча лежал, прижимая её к своему боку, она спросила:

— Тебе никогда не бывает страшно?

— Страшно отчего?

— Ну, скажем, оттого, что нас могут увидеть ненароком люди в пиковой ситуации.

— Господи, Люська, я уже все страхи прошёл.

— А когда было страшнее всего? Когда только арестовали или позднее?

На мгновение я ощутил себя в комнате следователя. Я лежал на полу, меня окатили водой, чтобы привести в сознание. Тело одеревенело, и я ощутил боль в голове. Потом медленно появился потолок. Она поняла.

— Нет, Михаил, молчи! Не говори ничего. Не вспоминай, не рассказывай, не надо! Прости меня!

Я молчал. Не произнеся ни слова, встал, оделся, закурил и вышел в соседнюю комнату.

Людмиле было невыносимо стыдно за свой нечаянный вопрос. Она оделась и подошла, подняла руки, чтобы обнять, утешить. И вдруг мы услышали за той уличной стенкой, где была потайная дверца, шорох, шевеление.

— Там кто-то есть, — прошептала она и указала большим пальцем на стену.

Её глаза округлились и руки задрожали.

— Иди! Иди скорее домой. Я выйду с тобой и посмотрю, чтоб тебя не обидели.

— Нет, я сама.

Людмила вышла и бегом побежала домой. Я быстро накинул телогрейку и выскочил на улицу. Около потайной двери было натоптано. Если кто-то был, он уже ушёл. А следы можно поглядеть завтра утром. Это уже ничего не изменит. Теперь ясно, что это не Берг и не Врангула.

Но тогда кто? Кому нужно знать, как они здесь живут? Радость от встречи стёрлась. В душе появилась тревога. Есть кто-то, владеющий их тайной. Этот человек может воспользоваться ей в любое время. «Придушить, придавить бы этого стервеца. Бергу теперь об этом не скажешь». Да и где гарантия, что за ними следят не по поручению Берга? «Если Берг будет спокоен, значит, это не его поручение. Кто за нами следит? Кому стало известно о нашей связи с Людмилой? Как он воспользуется этим? Это очень тревожно и неприятно. Последствия могут быть очень серьёзны».

Через час вернулся Лев с шахматной доской.

— Ну и как игра? Чья победа?

— Победила дружба, — засмеялся Лев.

Он пристально взглянул на меня. Моё тревожное заострившееся лицо насторожило его.

— Что случилось? Ты как будто не в себе.

— Ты же знаешь, приходила Людмила. А за стенкой был наблюдатель. Мы поздно услышали. Я понял, это не Врангула. И по поручению Берга навряд ли кто может быть. В общем, какая-то стерва нас пасёт.

— Придушить бы паразита, — возмутился Близинский. — Конечно, это не Врангула. Мы же с ним играли в шахматы.

Эта ночь была тревожной. Мне снился лагерь, драки, поножовщина. Бригадир подходил с деревянной злой мордой и шипел на нас:

— Утаили от меня самородок, да? У, суки, убью!

И он замахивался заточкой и смотрел с презрением. Появился Берг. Он с жалостью смотрел на меня и качал головой.

— Я всё знаю. Я отдам вас в лагерь. Там эки вам покажут, как соблазнять чужих жён.

— Это ты у меня украл её. Я не виноват.

Мы стояли друг против друга. Что-то ужасное должно было произойти. И я проснулся. На душе было тревожно и противно.

— Здравствуйте, старатели! — сказал весело Берг. Он неожиданно утром появился в дверях гостевого дома, весёлый, уверенный в себе, довольный жизнью.

— Здравствуйте! — откликнулись они. — Что за вести вы нам принесли, начальник?

— А вести вот какие: забой, где вы нашли самородок, закрыт как выработанный. И по плану, утверждённому в Магадане, лагерь переводится на новое месторождение. Но мы с вами завтра с восходом солнца пойдём в наш интересный забой. Тяжёлый самородок не мог прилететь издалека. Значит, где-то поблизости есть пласт кварца, содержащий золотую жилу. Будем анализировать, искать, смотреть отвалы, стенки забоя. Надеюсь, вы готовы к работе?

— Понятно. Мы не боимся работы. Но всякое может быть. А если мы её не найдём, эту золотую жилу? — спросил Лев Близинский.

— Почему?

— Потому что её может вообще не существовать. Самородку может быть тысяча лет. Когда-то здесь кипела лава, варился металл и застыл в воронке. Да, кварца там много. Но металл мог уйти в глубину, куда мы за ним не пройдем. К тому же не исключены единичные самородки, особенно крупные.

— Убедительно. Но убеждаться окончательно будем в поиске. Вы поняли? — Берг помолчал.

— Поняли, — ответил Романов.

— Необязательно золото должно быть на поверхности. Повторяю ещё раз, надо искать обилие кварца. А потом в кварце будем искать золотую жилу. У меня предчувствие, что нас ждёт успех.

— Раскопки гробниц в Долине Фараонов показали невероятные золотые сокровища. Однако в течение двадцати лет, исследуя отвалы и россыпи бывших месторождений Египта, геологи и горняки ничего не нашли, — возразил Близинский.

— Откуда вы знаете?

— Я интересовался минералогией и историей открытий месторождений золота, нахождением золотых самородков.

Берг с интересом посмотрел на Близинского.

— Вхождение золота в жизнь началось в Египте, самой богатой и культурной стране Древнего мира. Вы это, безусловно, знаете. Именно здесь золото было открыто вторым после меди и сразу же широко использовалось для украшений и бытовых предметов. Сказочное количество золота обращалось в нём на протяжении тысячелетий. Впоследствии оно было в значительной степени захоронено. Золото Египта и Нубии было исчерпано полностью уже к Средним векам.

Близинский был академичен. Его так и тянуло показать свои знания по этому вопросу.

— Но мы находимся не на выработанных месторождениях Египта. Мы на Колыме. Здесь ещё не было систематической организованной выработки золота. Здесь золото встречается в самородках и иногда значительных. Знаете ли вы, что на золотых приисках Колымы было добыто несколько золотых дендритов весом от десяти до двадцати килограммов.

— А что это за золотые дендриты? — спросил Романов.

Пришёл черёд Берга выложить свои знания.

— Это растущие кристаллы золота, представляющие особый научный интерес и

величайшую музейную ценность. Их можно встретить раз в сто лет. Они похожи на деревце. Представьте себе, что золото в кварцевых жилах не всегда можно даже увидеть. Чаше всего оно находится в распылённом состоянии. Пылинки с течением времени объединяются в кристаллы, а кристаллы образуют сложные срастания. Сначала это золотые прозрачные кружева необычайной красоты. Они возникают в результате роста кристалла в направлении одной-двух граней. В дальнейшем дендрит может не увеличиваться в длину и ширину, а начинает толстеть. Промежутки между кристаллами, иначе сказать веточками, затягиваются золотом, зарастают, и дендрит превращается в пластину. Из освободившегося золота по мере его накопления и росли эти гиганты. Они почти всегда у поверхности земли. Какое огромное количество золота осаждается иногда в одной точке!

Берг замолчал. Взгляд его говорил, как далеко он сейчас находится. Мысленно он представлял это чудо природы — тонкое золотое деревце с прозрачными золотыми лепестками.

— Ну и где же эти найденные на Колыме золотые деревья?

— Разумеется, в музее. Я хочу вам рассказать ещё одну историчку. В октябре тысяча девятьсот тридцать пятого года старателю Симонову неожиданно пришло в голову забить шурф среди посёлка, буквально в нескольких метрах от двери дома. Но он не мог снять промёрзший слой земли. Две девчонки-хохотушки проходили мимо. Перемигнулись, забрали у него инструмент и моментально сняли замёрзшую землю. Убежали, даже не оглянулись. Симонов буквально окаменел. Почти у самой поверхности возле его ног лежал сверкающий самородок необычной формы, буквально красавец! Представляете, вес самородка был три килограмма триста сорок пять граммов! Он тоже находится в музее. Его называли «заячьи уши».

— Наш самородок тоже больше трёх килограммов, — тихо, как бы вскользь, сказал Романов.

— Так что ж, вы считаете, нам ещё раз повезёт? — с сомнением спросил Близинский.

— Непременно. Начнём работать завтра же. И будем верить в удачу. Наша цель — найти не единичный самородок, хотя и он не помешает, а месторождение.

Он помолчал, потом продолжил:

— Ваше время до середины октября, максимально. А там сезон закончится. Начнутся морозы.

— Что мы будем делать в морозы?

— Вы хотите вернуться в лагерь? — прищурился Берг.

— Это самое ужасное, что может произойти.

— Я не хочу возвращать вас в лагерь. Но я не всемогущ. Я не могу дать вам волю. Я могу сдать самородок государству. Вам зачтут в сокращение срока. Пока ещё зачтут. Могу оставить вас у себя для проведения каких-либо работ. Я не могу сделать вам документы для выезда на материк. Вольными вас может сделать только реабилитация.

— Что же можете нам предложить вы, начальник? — спросил Лев.

— Пока могу предложить пребывание у меня в гостевом доме, то есть вне лагеря. И это только при вашем безусловном старании и с соответствующей санкции лагерного начальства. Ещё я могу предложить вам написать в Москву письма с просьбой о пересмотре дела и либо сокращении срока, либо о реабилитации. От заключённых обычно такие письма в лагере не принимаются. Поэтому их можно постараться передать с оказией. В почтовый ящик их надо опустить в Москве. Решайте. Если самородок сдать в зачёт уменьшения срока, то я его сдам в

течение этой недели, и вы снова будете ходить строем в золотой забой.

— Нет! Я думаю, нет. А ты как думаешь, Лев?

— Я думаю, что даже сокращённый срок в золотом забое мы не выживем.

— Тогда ваша задача — в этом старом забое найти месторождение, или я зря учился в горном институте. Поблизости должно быть большое золото. И его надо найти.

Друзья молча кивнули. Задача была ими понята: Берг хочет иметь «большое золото».

Берг женится

Когда Берг завербовался, то есть заключил договор с управлением Дальстроя в Москве, его предупредили, что одинокие женщины на Колыме практически редкость. Хорошая женщина, на которой можно жениться, вообще величайшая и, можно сказать, не существующая ценность. Ему посоветовали срочно жениться в Москве: договор заключался на три года. Жить три года одному в глуши на маленьком прииске очень тяжело.

На прощальную вечеринку Берг шёл с твёрдым намерением найти себе жену. Через два дня он должен был вылететь в Магадан. Едва перешагнув порог, он стал высматривать свою будущую жену среди присутствующих женщин. Однако скучное это занятие, когда душа молчит. Его взгляд скользил по женским лицам, безразличные мысли лениво отмечали скорее мелкие недостатки присутствующих женщин, чем достоинства. Берг сильно загрустил и уже без всякой надежды смотрел вокруг. Когда вошли ещё две припозднившиеся женщины, он без надежды смотрел в дальний угол. Услышав приветственные голоса, лениво обернулся. Спутник продолжал что-то говорить. Но он уже не слышал. Он вообще никого не слышал и не видел. Перед глазами было только одно светлое пятно и в центре его — лицо женщины в ореоле золотистых волос. Постепенно всё стало проявляться. Вот он уже видит её всю. А вот и слух вернулся. Но уже ничего не имело значения.

— Какая шикарная женщина! — сказал он вслух.

— Люська, что ли? — спросил его товарищ.

Берг с восторгом смотрел на высокую женщину. Его глаза загорелись. Скука мгновенно прошла. Её лицо в ореоле золотистых волос светилось. Он осмотрелся вокруг. Увидел — они не понимают, они не видят то, что увидел и понял он.

— Познакомь!

— Нет проблем, — сказал его спутник. — Только предупреждаю, эта женщина — та ещё штучка.

— Не имеет значения.

Спутник взял его за руку и подвёл к Люське.

— Людмила, представляю тебе очередного поклонника. Привет и проводи его с достоинством. Он через день отправляется на Север в далёкий город Магадан. Поэтому ты ему неопасна.

Представив его таким образом, товарищ отправился, весьма кстати, по своим делам. А Берг смотрел в голубые, затенённые пушистыми ресницами глаза. «Это она», — решил он про себя.

— Меня звать Отто.

Берг поклонился и вопросительно взглянул на Людмилу.

— Людмила, как вы только что слышали.

Пригласили всех к столу. Они сели рядом. Берг ни на шаг не отходил от своей новой знакомой. Они почти не разговаривали. Он внимательно ухаживал за ней за столом, а когда начались танцы, пригласил её на вальс. И каждое её неторопливое движение было царственным. Она легко и грациозно скользила по паркету, молчала, иногда слегка улыбалась и не кокетничала. А он никого вокруг не видел, только её лёгкую улыбку и милый наклон головы. Когда он нечаянно взглянул на часы, ему стало страшно. Прошло уже два часа, как будто одно мгновение пролетело. Он уже два часа молчит около неё. А вдруг

вечеринка кончится? Она исчезнет. Исчезнет навсегда из его жизни! Этого он не мог допустить. И хотя ему было страшно, он решил действовать сейчас же. Он подвёл её к столику с напитками.

— Давай выпьем за необыкновенное чудо, за встречу. Как только ты вошла, я сразу понял, что мы давно знаем друг друга, хотя раньше не встречались. За встречу!

«Красивые песни. Что за ними скрывается? С чего это его вдруг прорвало? Впрочем, какая разница?» — подумала Людмила устало. Её как раз устраивала в неожиданном спутнике его молчаливость. Она подняла фужер, не чокаясь, выпила несколько глотков.

— Немного отдохнём, — сказала она.

Они присели. С некоторых пор Людмиле было безразлично, где она бывает и с кем разговаривает. Михаил пропал, и она никак не могла вырваться из тоски и оцепенения. Подруга Мария не терпела уныния и свободных вечеров. Она чувствовала свою ответственность за Людмилу и всеми силами стремилась её расшевелить, вернуть к жизни. Людмила после исчезновения Михаила ко всему была безразлична.

— Людмила, ты мне нравишься. Ты такая красавица! Я буквально утонул в этих глазах. И спасения нет, — сказал Берг.

— Благодарю. Только почему же спасения нет?

Её глаза — как два тумана,
Полуулыбка, полуплач.
Её глаза — как два обмана,
Покрытых мглою неудач.
Соединенье двух загадок,
Полувосторг, полуиспуг,
Безумной нежности припадок,
Предвосхищенье смертных мук, —

прочитал Берг стихи Заболоцкого.

«Боже мой, как он мог прочесть в моей душе этот полуплач?» — подумала Людмила.

— Ты не замужем?

— Нет.

— Ты мне послана Богом. Я прошу, будь моей женой! Это серьёзно.

Она рассмеялась и хотела уйти. Меньше всего ей сейчас нужны чьи-либо признания. Но Берг крепко держал её за руку.

— Однако откуда такая решительность?

— У меня нет времени ухаживать за тобой. Хотя это было бы очень приятно. Я заключил договор с Дальстроем. Через два дня я убываю на Колыму, в далёкий северный город Магадан. Договор на три года. Мы распишемся завтра. Через три года мы вернёмся в Москву состоятельными людьми. Я уверен, к нам придёт любовь, мы будем счастливы!

Берг говорил уверенно. Но в душе его жил страх. Это было заметно. Он был напряжён, и голос его слегка дрожал.

«Слава богу, хоть не врёт о любви с первого взгляда», — подумала Людмила.

Берг уже сейчас чувствовал, что если Людмила ему откажет, он расторгнет договор, останется в Москве, будет добиваться благосклонности этой женщины.

Людмила хотела отнестись к предложению с юмором.

К ним подошла Мария.

— Позвольте, я уведу Людмилу ненадолго. Мне надо сказать ей пару слов.

— Нет. Не позволю.

— Нет, позвольте! — Мария скрасила резкость тона улыбкой. — Обещаю её вернуть, — сказала она уже тихо и миролюбиво.

— Если серьёзно обещаете, то, пожалуй, разрешу. Но не более пяти минут.

Берг улыбался, но глаза его были серьёзны и в упор смотрели на Марию.

Они отошли.

— Что желает от тебя этот красавец? Прямо собственник какой-то!

— Он на полном серьёзе только что предложил мне выйти за него замуж.

— Как интересно! Так сразу! И что же ты? Сказала, подумаю?

— Нет. Я ещё ничего не сказала. Ты подошла в тот момент, когда я определённо хотела ответить «нет».

— Эх! Мне бы кто предложил. Вот уж рада была бы! Ты подумай об этом серьёзно. Тебе ещё не надоело ходить в переросших девушках? А парень, посмотри, какой — высокий, красивый, широкоплечий. И глаз с тебя не сводит.

— Ты же знаешь, я ищу Михаила.

— Знаю, знаю. Но твой Михаил женат. Это, во-первых. Твой Михаил неизвестно где и жив ли. Это, во-вторых.

— Так и этот через два дня отправляется в Магадан, на Колыму.

— Господи, на край света! — Мария помолчала. — Хотя если ты действительно хочешь увидеть Михаила, то он, скорее всего, там, на Колыме.

— Если жив, — тихо сказала Людмила.

— Вот ты и подумай о его предложении. Надеюсь, он не предлагает остаться тебе в Москве соломенной вдовой, а возьмёт с собой.

— Я узнаю и серьёзно подумаю.

— Вот-вот, подумай серьёзно, — она помолчала. — Что-то скучно сегодня. Пойдём, отведу тебя к твоему жениху. Но ты не торопись отказываться.

Остаток вечера они с Бергом танцевали и разговаривали. Берг, воодушевлённый встречей с красивой женщиной и радужными перспективами начала новой жизни, был весел и стремился очаровать Людмилу вниманием, шутками, короткими рассказами о романтике Севера. Людмила была задумчива и молчалива. О своём предложении он больше не заговаривал.

Вечеринка кончилась. Мария ушла раньше. Берг вызвался проводить Людмилу. Жила она неподалёку.

— Людмила, я не нахал. Но моё предложение остаётся в силе. Я приду к тебе завтра утром. Надо оформить документы и решить вопрос с билетами. Подумай до завтра.

Он поцеловал ей руку. Резко повернулся и ушёл.

Людмила долго не могла заснуть. То вспоминала Михаила. То ей становилось страшно отправляться в неизвестный край. Уже было светло, когда она решилась и сразу заснула. Короткий сон не принёс облегчения.

Звонок раздался в девять утра. Людмила не могла предположить, что в дверь звонит её вчерашний знакомый. С трудом она разлепила глаза, кое-как вытащилась из кровати, натянула халат и поплелась к двери. Не думая и не спрашивая, кто там стоит и названивает,

она распахнула дверь, и с удивлением и недовольством воззрилась на гостя. Гость смутился. Заикаясь, он сказал:

— Здравствуйте! Из-з-з-вините меня, пожа-жалуйста, за ранний визит. Но я должен, я вынужден прийти так рано. Времени очень мало.

Первым неосознанным движением Людмилы было закрыть дверь. И она уже потянула её на себя. Но Берг в отчаянии ухватился за её руку. Он поднял глаза, улыбнулся, из-за спины появилась его вторая рука с небольшим букетом ландышей. Это душистое чудо природы остановило Людмилу. Букет был небольшой, трогательно белые колокольчики изумительно пахли.

— Ой! — сказала она. — Какое чудо! Спасибо. Проходите и садитесь в кресло. Я сейчас.

Она быстро скрылась в ванной. Поглядела на себя в зеркало. Ужаснулась. Её руки стали проворно делать всё, что делает красивая женщина поутру. А в голове лихорадочно бились мысли. «Соглашаться или нет? Мужчина вроде симпатичный. Вдруг, правда, встречу Михаила? Нельзя больше жить так, как будто я похоронила себя. Соглашусь. Я ведь уже решила ночью. Будет плохо, уйду». Через пятнадцать минут в комнату к Бергу выплыла королева.

— Отто, что вы будете пить, чай, кофе?

— Кофе. Только очень горячий и без сахара.

— Я люблю ещё со сливками и печеньем.

Людмила быстро приготовила утренний кофе, выкатила маленький столик из кухни. Кофейник, две маленькие чашки, сливочник, в хрустальной вазочке печенье, только что подаренный букет ландышей украшал их первую совместную трапезу. Кофе разрядил обстановку, и Берг обрёл решимость.

— Людмила, — сказал он, — ты подумала о моём предложении? Только не отказывайся. Я понимаю, такой вопрос не решается так сразу. Но у нас нет времени на длительное раздумье. Может быть, это и лучше. Я буду уважать твой суверенитет. У меня всего два дня на сборы. А этот вопрос надо решить сегодня. Надо оформить документы и купить билеты. Я уверен, мы будем счастливы.

— Чем вызвана такая спешка?

— Я не могу поехать на Север один. Холостяк — это несерьёзно. Меня предупредили, что там я не найду жену. А жить три года одному в окружении мужчин, это ужасно. Вчера я встретил тебя. Я подумал, что лучшей женщины мне не найти. Соглашайся, очень прошу.

Людмила зажмурилась. Берг замолчал. Он боялся спугнуть своё счастье. И когда она открыла глаза, то удивилась выражению его лица. В нём были надежда и обожание, и какое-то отчаяние.

— Я почти всю ночь думала. Пожалуй, я соглашусь. Но ты ни в чём не должен меня торопить.

— Клянусь, я тебя не обижу. Я сделаю всё, чтобы мы были семьёй, чтобы к нам пришло счастье.

— Ты должен понимать, что я не невинная девочка. У меня была своя достаточно сложная и насыщенная событиями жизнь. И никаких упреков за то, что было и ушло, я не приму.

— Людмила, я тоже жил не на пустом месте. Я понимаю, что такая яркая женщина не может оставить мужчин равнодушными. И поверь мне, я ничего не поставлю тебе в вину. Давай договоримся, мы начинаем жизнь с чистого листа. Всё, что было до нашей встречи, не

имеет значения. Не рассказывай мне ничего. Не надо. Для меня имеешь значение только ты, какая есть сейчас, нужный мне человек. Вот от сегодняшнего дня мы и начнём отсчёт нашего времени. Нас должно интересовать будущее, а не прошлое. Согласна?

На следующий день они с Бергом расписались. А через день скорый поезд увозил их во Владивосток.

Было очень интересно наблюдать, как поезд пересекает почти всю Россию с запада на восток. Около озера Байкал считали тоннели. Пассажиры рассказывали о них много страшных случаев. Людмиле казалось, что непременно должно произойти что-то страшное: столкновение, взрыв, разобраный иностранным диверсантом путь и крушение. Берг её успокаивал.

— Каждый тоннель охраняется, — говорил он.

Байкал проезжали на рассвете. Все смотрели не отрываясь. Купили традиционного омуля. За Байкалом ехали быстрее.

На станции Шилка поезд стоял почти сутки. Дорогу размыло дождями. Поезда на несколько километров стояли друг за другом. Они гуляли по железнодорожной насыпи, и Берг поднимал с неё разные красивые камни и рассказывал о них Людмиле. Она не запоминала, но с удовольствием рассматривала и любовалась их красотой. Когда разрешили проезд, поезд медленно тронулся, шпалы под вагонами поднимались и громко хлопали. Было страшно. Успокаивали люди в оранжевых душегрейках, стоявшие вдоль железнодорожного полотна с кирками, лопатами и другим ремонтным инструментом.

В одно прекрасное утро Людмилу удивили кудрявые сопки. Это уже был юг, Приморье. И здесь росли клёны и дубы. Как ей объяснил сосед по купе, на сопках рос дикий виноград, изюм, абрикос, бархат и много того, что не растёт в Подмосковье. Солнце буквально поливало землю ярким светом. Казалось, природа празднует и радуется. Но Людмиле было грустно. Глядя на великолепие Приморья, она тосковала по белым подмосковным берёзам. Сердце её ныло от расставания с Москвой, душили слёзы.

В бухте Находка ждал пароход «Феликс Дзержинский». Берг сумел устроить их в каюте первого класса. Людмила плохо переносила качку. Все пять дней этого пути пролежала в каюте. Берг ухаживал за ней. Поил и кормил её с ложечки.

Пароход был нагружен до предела. Внизу в твиндеках везли заключённых. Берг не хотел, чтобы Людмила об этом знала. Как только судно прибыло в магаданскую бухту Охотск, он постарался его покинуть в первую очередь. Морская болезнь измучила Людмилу, и она радовалась окончанию морского пути.

— Море лучше всего любить на берегу, — сказала она Бергу.

— Ты права. Но в этот город иначе не попадёшь.

— Где ты видишь здесь город?

— Город строится. Ты понимаешь, это очень важный город этого края. Я смотрел по карте. Это же огромные площади почти неосвоенной земли. А какие в ней богатства! Я расскажу тебе позже.

— Нам что, ещё дальше ехать? На чём?

— Я пока не знаю. Но, скорее всего, наш путь продлится. Наберись терпения.

— Я так устала от дорог!

— Ну, Людмила, ещё одна маленькая дорожка, — Берг показал ей расстояние на кончике своего мизинца.

Берг получил окончательное направление на прииск Фролыч. «Боже мой, — думала Людмила, — как же далеко эта Колыма!» Ещё двое суток по трассе на грузовой машине! Это было самое трудное. Сидеть в кабинке рядом с шофёром она не могла. Шофёр непрерывно

курил. В кузове были установлены временные деревянные лавки. Кузов подбрасывало на каждой неровности, каждом ухабе дороги. Жёсткие деревянные лавки превращали движение в пытку. Ночью спали в каких-то бараках, приспособленных для отдыха шоферов дальних рейсов. Днём ехали не останавливаясь. Через два дня пути Людмила чувствовала, что у неё всё отбито и ноги деревянные. Но когда они приехали, наконец, на прииск, когда она увидела эти убогие строения, её душа оборвалась, ушла в пятки.

Прииск Фролыч в тысяча девятьсот тридцать восьмом году...

Два длинных деревянных барака — это жилище вольных рабочих прииска. Дом для семейных, деревянный и такой же длинный, как бараки. Разница была только в том, что в бараках люди не имели комнат. А в доме для семейных были отдельные комнаты и даже квартиры с выходом в общий длинный коридор. Далее — магазин, больничка, контора, ремонтные мастерские. Примерно в километре от этого посёлка — зона. За зоной — бараки охранников. Мимо шла Колымская центральная трасса, «дорога жизни», соединяющая Магадан и прииски. Невдалеке текла река Берелёх. Земля кругом была почти вся изрыта. Вдоль реки и вдоль трассы тянулись отвалы породы.

Их встретил молодой коренастый мужчина.

— Иван Иванович, — представился он. — Я главный инженер прииска.

Он повёл их к длинному барaku, деревянному, окружённому завалинкой из горбыля, засыпанной опилками и песком.

— Вот здесь мы приготовили для вас комнату. В ней раньше жил холостяк, молодой парень. Он её и обставил. Как умел.

Иван Иванович широким жестом обвёл комнату и вышел. Её убранство было творчеством умельца-самоучки: сбитый самодельный топчан из необструганных досок — это кровать, самодельный из обструганных досок стол, вешалка с самодельными крючками из стальной толстой проволоки украшала стену. Посреди комнаты стояла круглая металлическая печка, выполненная из большой бочки. Труба от неё выходила прямо в потолок. Она обеспечивала тепло, на ней готовили еду. В углу около двери стояла большая деревянная бочка. Ведро и черпак говорили о том, что о водопроводе и прочих прелестях цивилизации надо забыть. В бочку наливали воду для еды, питья и других нужд. Её возили утром с реки на единственной лошади, запряжённой в телегу или сани, в зависимости от времени года. Удобства, или, как тогда говорили, сортир, в виде небольшого деревянного домика, красовались за баракom на улице. Причём двери сортира болтались на петлях и были открыты. Два грязных очка на деревянных досках нагло смотрели на улицу.

— Разве можно здесь жить, Отто? Ты куда меня привёз?

Она развернулась и хотела уйти. Как будто её за порогом этого дома ждала машина. Берг растерялся. Надо было как-то её остановить. Он схватил её руку и повернул к себе.

— Остановись, пожалуйста, остановись! Мы никуда не можем деться. Потерпи немного. Я всё сделаю. Я постараюсь всё сделать.

Людмила осматривала неоштукатуренные стены из круглого леса с заделанными мохом дырами удивлёнными круглыми глазами, и из них катились большие горошины слёз.

— Как можно здесь жить?

— Люди живут, ты видишь. Но ты права, мы так жить не будем. Потерпи немного. Я всё устрою. Ты пока располагайся, как можешь. А я сейчас же начну всё организовывать.

— Я хочу домой, в Москву, — рыдала Людмила.

— Людмила, вспомни, какой большой путь мы проделали. Я ведь не могу бросить всё и

сопровождать тебя. Ты же понимаешь. А одна ты не сможешь снова проделать этот путь. Я очень тебя прошу, успокойся. Всё образуется. Я всё сделаю. Вместе мы нигде не пропадём.

Он заглядывал ей в глаза. Гладил её волосы. Как маленькую девочку, взял на руки. Кто-то постучал в дверь. Зашла молодая красивая женщина с копной чёрных кудрявых волос.

— Это что за слёзы? Тебе не стыдно слякоть разводить? Ты чего испугалась? Пойдём к нам.

Женщина взяла Людмилу за руку, заставила встать на ноги и повела за собой.

Они зашли в соседнюю дверь. Людмила увидела две опрятные достаточно большие комнаты. Мебель была тоже самодельной. Но, очевидно, фантазии и мастерства у автора было больше. Стены были оштукатурены и побелены. Стол накрыт белой льняной скатертью с кистями и вышивкой. Стулья обшиты матерчатыми чехлами. Печь на маленькой кухоньке была сделана из кирпича. На ней что-то кипело и шкварчало.

Соседка повернулась к Людмиле и дала ей платок.

— Вытри слёзы. Меня звать Ольга. Как тебя звать?

— Людмила.

— Ты откуда?

— Из Москвы.

— Не реви. Твой муж правильно говорит. Всё образуется. Здесь не Москва. Но ведь мы живём и радуемся. Со временем ты полюбишь этот край. А сейчас возьми себя в руки. Я тебе во всём помогу. Обращайся по любому пустяку.

— У меня всё тело болит. Я не знаю, что сейчас делать, — Людмила громко заревела. — Даже вымыться негде, — она заревела ещё громче.

— Зови мужа. Будем знакомиться. Сядем за стол, пообедаем, поговорим. Решите, что и как делать. Для начала сними пальто и умойся.

Ольга повесила пальто Людмилы на вешалку. Взяла её за руку и подвела к занавеске в углу. Там оказался умывальник и под ним стул с тазиком. Ольга подала ей мыло. Когда умытая Людмила вышла из-за занавески, Ольга взяла её за руку и отвела на кухоньку.

— Помогай мне накрывать на стол. Сейчас придут мужчины.

Когда тарелки с супом, хлеб и какие-то домашние закуски поставили на стол, явились мужчины: коренастый крепкий Иван Иванович и Берг. За столом Людмила молчала, слушала, как мужчины говорят о делах. Она была очень уставшей и мало что понимала.

Уже поздно вечером Людмила и Отто пришли в своё жилище. Ярко горел огонь в печи. Два ведра с горячей водой стояли около большого корыта. Кто-то о них позаботился. В дверь постучали.

— Войдите.

— Я забыл ещё кое-что сказать. А впрочем, Отто Карлович, пойдёмте к нам на момент.

— Людмила, я пойду, а ты мойся. Смотри, тут есть для этого всё.

— Как вымоетесь, постучите в стенку. Мы отпустим вашего мужа, — сказал Иван Иванович. Это Ольга приготовила им ванну и постель. Людмила ощутила бесконечную благодарность в сердце к этой молодой энергичной волевой женщине. «Как хорошо, что у меня теперь есть этот настоящий друг». Это была последняя мысль Людмилы, когда она постучала в стенку и без сил легла на кровать. Она мгновенно заснула и больше ничего не слышала до самого позднего утра.

Берг не терял времени зря. Рано утром они с Иваном Ивановичем обсуждали производственные приисковые дела в конторе.

— Основная рабочая сила, как вы понимаете, у нас ээки. Там всем заправляет начальник лагеря. Крепкий мужик. Кадровый военный. Я вас познакомлю.

— А вольных у вас на прииске много?

— Вольных мужиков сорок человек. В основном молодёжь. У большинства были не лады с законом. Живут в бараке. За порядком следит дневальный.

— Как это понять — дневальный?

— Дневального обычно берут из лагеря, из расконвоированных. Он должен делать всю домашнюю работу. В общежитии он топит печи, моет полы, убирает, помогает поварихе. Кстати, дневального можно взять в семью. В лагере есть мужики из села, тихие, хозяйственные, умеют хорошо готовить, истопят печь, даже постирают бельё, если надо.

— У меня жена не приспособлена жить в таких условиях. В самый бы раз дневального.

— Поговори с начальником лагеря. У него наверняка есть на примете подходящий кадр. Вот у Баженовых дядя Павел дома всё делает и за детьми смотрит. Они оба работают, и Лида, и Виктор Васильевич.

Берг быстро вник в производственные приисковые дела. Начальник лагеря был понятливый мужик. Когда Берг рассказал ему историю своей женитьбы, он крутил головой, смотрел на него удивлёнными глазами:

— Ну, ты даёшь, паря! Раз, два — и в дамках. А ведь ни тебе, ни ей отступать некуда. Дам я тебе дневального. Есть у меня один армянин. На все руки мастер. Душевный, хороший человек. Я его себе взял, чтобы избавиться от лагеря. Бери.

— Дом мне построить надо. Иначе погибнет моя жёнушка.

— Построим, Иван Иванович? — спросил он у главного геолога.

— Построим.

* * *

Жизнь на фактически заброшенном прииске забурлила. Всё вольное население было мобилизовано на строительство дома для начальника. Готовили площадку, срочно подвозили лес и все необходимые материалы. Берг сам сделал эскиз будущей постройки. В лагере нашёлся архитектор, и ему было поручено руководство всеми необходимыми работами.

Ни одного дня Людмила не готовила и не занималась домашним хозяйством. Но Берг не позволил ей скучать. Он договорился с Ольгой, и та заняла её делом. Вечером собрались все женщины посёлка и потребовали, чтобы она рассказала им, что носят в столице. Когда Людмила призналась, что умеет шить женскую одежду, её тут же одолели просьбами помочь. И пока Берг был занят обустройством, она шила женщинам наряды и учила портновскому искусству. Ольга так организовала её время, что не хватало дня. Скучать и тосковать было некогда.

Берг приходил поздно ночью. Людмила к этому времени уже видела сны. Кровать была одна. Он тихо укладывался с краю, и Людмила не слышала его дыхания. Утром рано он исчезал.

По рекомендации лагерного начальства Берг взял к себе в услужение армянина по прозвищу Врангула. Никто не знал его имени, просто все называли Врангула. Ему повезло, что он стал необходимым в доме Берга. Врангула оказался совершенно домашним человеком. Позднее Людмила привязалась к нему, жалела и утешала его. А он баловал её вкусными

блюдами, следил за чистотой в доме, выполнял любые поручения Берга.

Дом ещё не был полностью готов, но Берги отметили новоселье и поселились в своём доме. Отто всеми силами старался сделать его удобным, красивым, уютным.

На новоселье хозяева показали доброжелательность и стремление организовать культурное общение небольшого коллектива. Берги пригласили всех семейных и вольных специалистов прииска бывать у них каждую субботу после восьми вечера.

Из вольнонаёмных рабочих прииска Берг организовал строительную бригаду, чтобы построить удобные коттеджи для семейных работников.

В доме у Берга возникали стихийные вечера песни, диспуты, споры. Дружеские субботы объединили людей. Они стремились поделиться прочитанными книгами, интересными соображениями, событиями, отмечали вместе праздники. Организовывала эти субботние вечера Людмила. После новоселья Берг ей сказал:

— Людмила, у тебя есть дар организовать приём. У нас, конечно, не светское общество. Но ты представляешь, как скучно жить на прииске такой маленькой кучке людей. Я думаю, что интересные субботние вечера — это твоя обязанность. Тебе надо найти себе занятие и друзей.

— Ты знаешь, Отто, я, кажется, знаю, чем можно здесь заняться. Надо создать библиотеку. Выписать книги, журналы, газеты. Не можем же мы жить как слепые и глухие.

— Людмила, ты умница. Я сделаю заявку в Магадан, и нам будут присылать книги и периодику. Но это возможно только во время навигации. Летом надо запастись книгами и журналами.

Уже месяц Романов и Близинский вели поиск в мрачной, покинутой людьми и техникой, огромной яме забоя. Начали поиск с места, где нашли самородок. Каждый день они приносили домой немного золота. Но того, что они искали, большого золота, не появлялось. Небольшие шурфы в различных местах забоя не дали ожидаемого. И вот однажды Романов сказал:

— Лев, у нас мало времени остаётся. Скоро будут хорошие заморозки, земля замёрзнет, сезон закончится. Надо обойти все стенки забоя, тщательно их осмотреть. Мне всё время снится старая штольня. Какие-то обвалившиеся крепления и не кварц, а угольный пласт.

— Ну что ж, в этом может быть какой-нибудь смысл. Иногда напряжённый мысленный поиск — и наше подсознание даёт ответ во сне. Давай обойдём и тщательно осмотрим стенки забоя.

Они осматривали, исследовали, кое-где кайлили стены забоя. Теперь они шли по его периметру. За большим отвалом отмытого песка увидели обвалившуюся крепёжную балку, очевидно, крепёж старой шахты. И когда отрыли старый чёрный вход, то действительно увидели не кварц, а уголь. Угольный пласт вёл в глубину. Столбы крепления ещё стояли. Но идти было опасно. Шахта была узкая и низкая, в любой момент могла обвалиться. Вечером они доложили Бергу об открытии.

— На кой ляд нам этот уголь сейчас? Мы ищем золото, — Берг немного помолчал, подумал. — Однако этот уголь и эту шахту надо взять на заметку. Вы говорите, шахта старая. Очень старая?

— Я думаю ей не один десяток, а может быть и сотня лет. Она была завалена отработанной породой. И мы бы её не заметили, если бы не решили обследовать стенки забоя, — сказал Лев.

— Я обратил внимание на чёрную дыру в стене и обвалившийся крепёж. Мы решили с Лёвой слегка раскопать и обнаружили, что ход ведёт дальше. И там оказался уголь, — уточнил Михаил.

— Это само по себе занятно. Значит, это место было раньше обжито. Интересно, какая это цивилизация. Ведь нет никаких исторических документов по прошлому и настоящему этого края. Так, одни обрывки. Я интересовался документами. Но ничего конкретного не нашёл. Вроде бы золото стали добывать здесь недавно. А об угле вообще никаких сведений доисторических нет. А ведь его много понадобится для освоения края. — Берг задумался и вздохнул.

— Ствол шахты может вывести нас на золото. Я думаю, там не добывали уголь. Дальше узкие и низкие проходы. Мы не знаем истории этого места. Но ведь нет сведений о том, что здесь добывали уголь, — сказал Лев.

— Ну, хорошо. Осмотрите завтра шахту и подумайте, можно ли расчистить её, чтобы пройти по ней по возможности насквозь. Может быть, она не длинная. И узкие и низкие проходы наводят на мысль, что тех, кто работали в этой шахте, мог заинтересовать не уголь. Не только уголь.

Они трудились над расчисткой прохода в шахте, укрепляли ствол шахты, вывозили тачкой обвалившийся грунт. Угольный пласт свернул налево, ушёл в глубину, а шахта вела прямо и становилась всё уже. Всё больше попадалось кварца. Каждый день требовал

большого физического напряжения. Теперь они пробирались вперёд согнувшись, а кое-где ползком. Наконец, они выползли, буквально выпали, в огромную пещеру. Лампа осветила высоченные белые стены и узкие жёлтые полосы металла. Откуда-то сверху шёл таинственный свет. И блики его перемещались по стенам и выхватывали блестящие драгоценные камни. От этой необычной подземной красоты захватывало дух.

— Лев, мы нашли его! Лев, гляди, какая красота!

Они смеялись и прыгали, толкали друг друга и кричали «ура» и ещё бог весть чего. Потом вдруг замолчали, огляделись, улыбаясь от счастья.

Сверху капали холодные влажные капли, как будто кто-то невидимый отсчитывал время вечности. У одной из стен лежал белый, обмытый этими каплями скелет. Напротив сидел другой. В рёбрах этого сидящего они увидели ржавый от времени клинок. Рядом со вторым лежали кайло, ломик, кожаная сумка. В сумке были золотые самородки величиной с грецкий орех и поменьше.

— Вот так история! — воскликнул Лев.

— Похоже, не мы первые посетители этого места.

Веселье сменилось ощущением какой-то жути. Михаил смотрел на золото в сумке, и его била лихорадка. Их пронизывал холод и шёл он от скелетов.

— Пойдём отсюда на поверхность и там обдумаем ситуацию, — предложил Лев.

Они ничего не тронули и молча стали выбираться из шахты.

— Что ты думаешь об этом? — спросил Михаил.

— Я думаю, что непростое это место. Открывать ли его Бергу? Завтра придём сюда, ещё раз всё осмотрим. Пока не будем спешить с докладом.

— Добро. Но какая красота: белые блестящие высоченные стены и жёлтые полосы металла в них! Это даже не пещера, а какой-то подземный зал. А когда смотришь на скелеты, дрожь пробирает.

— Скелетов бояться не надо. Они уже ничего не могут, — сказал в заключение Лев. — А ты заметил, что кроме золота в стенах большие блестящие камни. Это же находка века!

— Да. Кто-то сделал эту шахту. Кто-то первый открыл эту красоту. Но ведь нигде о ней не написано. Чья это тайна? Сколько людей погибло, проникнув в эту пещеру?

— Я думаю, этому залу не одна сотня лет. А может быть и не сотня. Такие подземные сокровища кто-то должен охранять. Недаром там эти скелеты. Кстати, как ты себя чувствуешь?

— Чувствую себя так, как будто я перетаскал тонны породы.

В этот день они пришли домой, совершенно шатаясь от усталости. После ужина пришёл Берг. Увидев измученных Льва и Михаила, он только махнул рукой. Сказал:

— Отдыхайте.

И ушёл.

Утром они проснулись рано. Ушли, не дождавшись завтрака. Им надо было ещё раз осмотреть необычную пещеру. Они шли по узкому стволу шахты. Лампы на касках высвечивали черные стены. Затем угольный пласт пропал в глубине стенки. Ствол шахты стал ещё уже, повёл их в другую сторону. Теперь стены были белыми.

Они чувствовали необычное возбуждение. Вот сейчас повернут за угол, и откроется взгляду красота подземного мира: высокие стены белого камня пересечённого блестящими жёлтыми полосами золота с вкраплениями драгоценного камня.

— Необходимо ещё раз и тщательно всё осмотреть, — сказал Лев. — У меня всё время в

голове вертятся строчки Ершовской сказки, помнишь, когда Иван нашёл жароптицево перо: «Много, много непокою принесёт оно с собою».

— Да, уж это точно. Какое необычное освещение в этом подземном зале! И свет, похоже, льётся сверху. Мне кажется, что это гора, а вверху специально сделана дыра для освещения и проветривания.

Они вошли в пещеру, притушили на время свои шахтёрские лампы. Действительно, откуда-то сверху проникал луч света. Сейчас он не был рассеянным. Блики света не гуляли по стенам как в первый раз. Причём луч освещал сидящий скелет. Романов подошёл к нему, нагнулся, и рука его потянулась к торчащему между рёбер клинку. Близинский с каким-то суеверным страхом и напряжением предупредил:

— Михаил, не трогай!

— Почему? Мне хочется вытащить клинок и посмотреть. Может быть, там написано имя владельца или есть какой-нибудь другой знак. Похоже, эти двое были убиты кем-то третьим. Если есть на клинке знаки, они принадлежат этому третьему.

— Не трогай! — закричал Лёва.

Но Михаил взялся за рукоятку. Неожиданно, лицо его исказила гримаса, глаза побелели, он присел и упал навзничь. Лев бросился к нему.

— Михаил, что с тобой?

Михаил молчал.

* * *

Когда Михаил дотронулся до старинного клинка, его руку обожгло. Но пальцы, помимо воли, ухватились крепко за рукоятку, и огонь побежал от руки по всему телу. Он увидел в своих руках огненный меч. Сверху опускалась тьма. Вскоре боль прошла. Тьма сгустилась и поглотила его. Несколько мгновений он ничего не видел и не чувствовал. Потом появилось ощущение, как будто он, подхваченный каким-то вихрем, движется по воздушному световому тоннелю.

Внезапно он увидел большую утоптанной площадку. В середине горел костёр. Вокруг костра сидели люди. Очевидно, это были чукчи, пастухи-оленоводы, кочевавшие по тундре. На него никто не посмотрел. Похоже было, что его никто не видит.

Несколько яранг располагались в ряд с востока на запад. Выделялся старый шаман. Его одежда из шкур была богато расшита, на груди красовалось множество амулетов. На голову была надета косматая шапка.

Напротив шамана стоял японец. Михаил как-то сразу это понял, как будто ему подсказали. Он что-то говорил на непонятном Михаилу языке. В чём-то пытался убедить шамана. Шаман ни единым движением, ни единым взглядом не отвечал на его слова. Он упрямо глядел в землю. Чукчи молчали.

Постепенно Михаил стал понимать, о чём шла речь, хотя язык был чужой.

Японец убеждал шамана открыть ему, где находится главная сокровищница чукчей — золото и алмазы украшают её стены. Об этом он узнал от одного перебежчика из России, оказавшегося в Японии по окончании Гражданской войны. Русский беглый офицер в Японии стал нищим пьяницей. Всё его состояние осталось в России. Однако он рассказывал о несметных сокровищах в земле чукчей — белом подземном зале, в кварцевых стенах

которого много золота и алмазов. Над ним смеялись. Он надоел всем своими сказками. Русский умер. Но этот японец ему поверил. Он пробрался на Чукотку и разыскал шамана. Шамана он знал раньше, когда не было ещё советской власти. Он подумал, что древний шаман не может не знать секретов своей страны.

— Япония начнёт войну с Россией и завоюет Север, — твердил японец. — Чукчи будут свободны. Японцы будут их защищать.

Шаман молча слушал речи японца. И когда тот смолк, он поднял глаза и руку. Обвёл взглядом своих родичей.

— Нет! — сказал он твёрдо. — Чавчу^[3] любят свою землю, и не потому, что в ней есть золото и алмазы. Эта земля святая, и она досталась нам от предков. Мы должны её передать своим детям. А наши дети своим. Нам не нужна свобода из рук японцев. Мы свободный народ.

— Русские забирают у вас вашу землю. Они ищут золото и забирают его. А мы прогоним русских и отдадим её вам. Вы будете свободны. Вы здесь живёте. Помогите нам бороться с русскими, — опять завёл своё японец.

— Ты очень хитрый, японец. Ты что, хочешь, чтобы чавчу перебили русских и открыли тебе границу? Так?

— Так, так. Русских здесь мало. А чукчи всё знают, — закивал японец.

— А граница открыта, и полезут к нам и твои японцы, и китайцы, и американец прибежит. И все будут драться из-за золота и алмаза между собой, и чавчу бить и поить дурной веселящей водой, чтоб он стал глупый. Русские нас охраняют. Чавчу — народ маленький, а русский — большой и сильный. Пусть русские возьмут немного золота. Зато вас всех здесь не будет, граница на замке. Чавчу не будут воевать с русскими. Ещё русский царь ценил чавчу. Все платили ясак: якут платил, эвен платил, юкагир платил. Чавчу не платил, чавчу торговал на Анюйской ярмарке^[4]. И анкалын^[5], и чавчу, мы все луоравэтльан^[6]. Ты понял, японец?

Шаман протянул руку в сторону Михаила, и меч из его рук плавно перешёл к шаману.

— Вот этот меч защиты — святыня, достался нам от предков. Меч нам поможет защитить нашу землю и наши сокровища. Мы здесь жили, и будем жить. А японцы в нашем краю замёрзнут. Наше море студёное, и зима жестокая. Русские нам пока не мешают. А немного золота пусть возьмут. Зато войны у нас не будет.

— Я пришёл к тебе, шаман, не потому, что ты силён, а потому что ты из потомственной семьи шаманов. Тебе более ста лет, и ты знаешь много секретов своей земли, тебе их передали твои предки. Я хотел говорить с тобой одним, а ты позвал всё своё стойбище.

Шаман встал. Он был высок и очень стар. Однако в нём чувствовалась сила, он был возмущён словами японца. Торжественно он поднял меч. И тихо, но отчётливо, решительно и грозно, сказал:

— Неуважение своих предков и их заветов — самое худшее из предательств, — морщины на его лице резко проступили, и теперь гневные глаза светились, были подняты и смотрели в упор на гостя. — Уходи! Ни за какие сокровища мира я не продам тебе свои секреты. Мне их доверили мои предки. Сказали, сохрани! И я их сохраню для своего народа. Если ты пробудешь здесь ещё немного времени, я скажу своим чавчу связать тебя и отдать русским пограничникам. Ты понял меня?

Шаман показал японцу мечом путь. И тот невольно попятился, потом развернулся и бегом побежал к ожидавшим его оленям. Как только японец сел, упряжка понеслась.

С минуту все молчали. Потом заговорили, сначала поодиночке, потом все разом. Михаил уже не понимал о чём. Очевидно, он понимал только то, что должен был понимать по желанию шамана. Чукчи стали расходиться. Михаил понял, его видел только шаман.

Шаман опять погрузился в молчание. Михаил подумал, что он забыл про него. Но вот он медленно поднял глаза. Глаза были чёрными, раскосыми и неожиданно молодо блестящими.

— Зал, к которому ты со своим другом вышел через ствол угольной шахты, — священная усыпальница наших шаманов, моих предков. Ты видел там сокровища: золото и алмазы. Пока они там, зла через них не будет, — он говорил медленно, с большими паузами, но чисто и правильным русским языком. — Мои глаза смотрели в другую сторону. Поэтому вы прошли шахту и вышли в нашу пещеру.

Михаил смотрел в глаза шаману. Он думал о том, что его не интересует ни золото, ни даже алмазы. Зачем ему всё это богатство? «Родной дом, жена, дети, тихая спокойная жизнь — самое большое человеческое богатство». У него в душе скреблась великая человеческая тоска по родному дому.

— Ваше священное место должно оставаться вашим. Зачем мне ваше золото, ваши алмазы, ваша усыпальница? Мне они не нужны. Мы с другом ничего оттуда не взяли, — сказал Михаил тихо.

— Я слышу твои мысли. А что тебе надо? Почему ты со своим другом так упорно всё лето ищешь золото? А говоришь, что тебе ничего не надо.

Шаман недоверчиво посмотрел на Михаила.

— Как тебе объяснить, колдун? Твоя жизнь совсем другая. Поймёшь ли?

— Твоё дело объяснить, а моё понять. Кое-что я знаю о твоей жизни. У нас бывали русские. Мы помогали беглецам.

— Я заключённый, понимаешь. На мне вины нет. Но я приговорён к тюремному заключению.

— Несправедливо осуждён. Я о таком слышал, — сказал шаман.

— Мы с другом нашли самородок и отдали его начальнику прииска. Думали получить свободу. Но оказалось, начальник прииска не волен освободить нас. Кое-что он всё-таки сделал — живём не в лагере. Теперь он требует от нас найти жилу кварца, в которой было бы золото. Если найдём, будем живы.

— Я помогу вам найти жёлтый камень. Но только в другом месте. А дорогу в нашу сокровищницу надо забыть и скрыть, — сказал шаман.

— Мы можем взорвать шахту и засыпать вход.

— Хорошо. Я укажу место, где есть всё, что тебе надо. Ваш начальник будет доволен. Прощай!

— Прощай!

Михаил очнулся в той же пещере. Около него сидел на корточках Лёва. Вид у него был растерянный. Он был до того напуган, что говорил заикаясь:

— Что с тоб-бой? Михаил, поч-чему ты уп-пал? Я думал, что ты умер.

Лёва с тревогой и недоумением смотрел на него.

— А что произошло здесь? — спросил Михаил.

— Интересная и загадочная штука. Ты взялся за клинок, глаза у тебя побелели, ты потерял сознание. Потом сверху на тебя спустилось какое-то тёмное облако, темнота. Ты буквально исчез в ней. Я испугался и стал тебя звать и искать ощупью на земле. Очевидно, со страху я отключился и только что пришёл в себя. Рассказывай, что с тобой произошло!

— Лев, ты не поверишь! Однако всё, что я расскажу, было со мной реально. Я не мог это выдумать.

— Рассказывай подробно.

— Как только я дотронулся до клинка, стало нестерпимо больно. Горела рука и всё тело. Я увидел, что у меня в руках не старый и ржавый клинок, а огненный меч. Потом боль прошла, и я почувствовал, что меня крутит и я куда-то лечу. Я оказался на поляне, горел костёр, и было полно этих, чукчей, и все смотрели на шамана. Представляешь, высоченный старик, кажется, сейчас развалится, а глаза у него молодые и блестящие.

— Чёрт побери! И ты всё это действительно видел ясно? Ты не того? — Лев покрутил рукой у виска.

— Я не того, — Михаил сердито посмотрел на Лёву. — Если не веришь, рассказывать не буду. Видел, как тебя сейчас вижу. Так вот, в это время шаман разговаривал с японцем. Я не знаю ни японского, ни чукчанского языка. Но ты представь, колдун сделал так, что я всё понял, о чём они толковали.

— Интересно.

— Я действительно это видел и слышал. Это было так отчётливо и понятно, совершенно реально, я помню каждое слово.

— Я верю тебе, Михаил. Японец там был не просто так?

— Японец хотел, чтобы чукчи перебили русских и открыли им границу, отдали им золото и алмазы и получили за это японскую свободу, — ответил Михаил.

Лев присвистнул.

— А хрена собачьего он не хотел, этот японец? Что же ему ответил чукчанский колдун?

— Да послал его в натуре туда, откуда он пришёл. Сказал, что русские границу защищают, держат её на замке. А если придут японцы, то набегут и китайцы, и американцы, и прочий сброд. Будут из-за золота и алмазов драться и чукчей скопом бить, водкой поить, чтоб чукча стал глупым.

— Ты посмотри, правильный старик! — восхитился Лев.

— Сильный старик. Пока он верховодит у чукчей, у нас с ними будет мир, это точно.

— Ну а ржавый клинок? Он зачем им понадобился? — спросил Лев.

— Я же только что тебе сказал. Ржавый клинок оказался великой реликвией чукчей. На самом деле, это огненный меч, обладающий волшебной силой. Когда шаман показал японцу путь на выход этим клинком, тот невольно попятился. Потом быстренько умчался. У меча удивительной красоты рукоять, украшенная золотом и камнями. Этот меч служит шаману, достался ему от предков. А диковинная пещера — священная усыпальница многих поколений потомственных шаманов. Подземный зал — их сокровищница. Всё это принадлежит старинному шаманскому роду. Я тебе уже говорил об этом. И, как я соображаю, волшебный меч должен храниться здесь, в священной усыпальнице шаманов. Для всех посторонних он выглядит как ржавый клинок. Нам необходимо закрыть проход в эту пещеру. У них есть, очевидно, свой ход. Надо взорвать шахту и убрать все следы, путь сюда должен быть закрыт.

— Я понимаю. Вопросы нет. Но ведь шаман тебе что-то предложил взамен?

— Да. Он спросил, почему мы так упорно искали золото всё лето. Я ему всё объяснил, и он понял. Он укажет нам место, где мы сможем найти всё, что надо Бергу. Вот сейчас мы выйдем из шахты, и нам будет знак. Пойдём. Мы долго с тобой проговорили.

— Что мы скажем Бергу? Ведь нам надо взрывчатку. А он захочет не только знать, но и

видеть плоды наших трудов.

— Сейчас мы выйдем отсюда. Поищем знаки шамана. Потом придумаем, что нам делать, в зависимости от обстоятельств.

Они пошли к выходу. Почти у выхода из зала Лев запнулся обо что-то. На пути лежала сумка с самородками. Лев протянул руку и хотел взять. Но Михаил его остановил.

— Мы ничего не возьмём отсюда.

— Нет, это мы возьмём. Это золото не святыня. В любом случае мы его можем отдать Бергу или вернуть.

— Возможно, ты прав.

— Не будем брать его с собой. Просто вынесем и спрячем в забое. Лучше всего там, где нам будет указано место.

Михаил с сомнением покачал головой. Но вдруг услышал в своей голове голос шамана:

— Бери!

Они взяли сумку за ляжки. Она была тяжёлой. По пути наметили, где надо взорвать штольню. Метров за двадцать от зала, чтобы не повредить его стен, и метров за пять до выхода из шахты. А потом завалить всё породой, чтобы и следа не было. Они вышли из шахты в забой. Было холодно. Падал пушистый снег. В голове шумело, был какой-то сумбур и ощущение нереальности. Через некоторое время друзья увидели зелёный луч. Он вёл прямо к противоположной стене забоя. Они поняли, что надо двигаться по лучу. Луч привёл их к месту, где так же старые подгнившие деревянные опоры указывали на заброшенную шахту. Солнце клонилось к закату. Друзья закопали сумку и отправились домой. Дома их встречал Берг.

— Чем можете порадовать? — спросил он. — Идёт снег.

— Начальник, нужна взрывчатка. Забой завалило. Мы просим два дня. Надеемся на удачу.

— Удачу? Надеемся? Лето кончилось. Вы понимаете, что лето кончилось? Осень здесь короткая, а зима длинная. А вы всё надеетесь, — Берг так посмотрел на них, как будто они были жалкие лгуны, авантюристы.

Михаил молчал и смотрел на Льва, как обычно, в трудную минуту доверяя ему решение. Лев вынул из кармана два небольших самородка величиной с грецкий орех, взятые им из сумки.

— Нам под вечер попало вот это.

— Ну и что?

— Там много этого добра.

— Завтра я сам пойду с вами.

Такой оборот не устраивал наших золотоискателей.

— Отто Карлович, может быть, подождёте два дня? — спросил Михаил.

— Мать твою так... Некогда уже ждать. И я в конце концов должен видеть, что вы там собираетесь взрывать. Это не шутка — неплановый взрыв в закрытом забое. Надо постараться обойтись без взрывов и лишнего шума.

— Начальник, давайте определимся по нашим взаимным обязательствам. Мы подошли к концу поисков. И нам хотелось бы знать свою дальнейшую судьбу, — сказал Лев.

— Откуда такая уверенность в том, что поиск закончен и успешен?

— Отто Карлович, мы нашли ещё одну шахту. Там сразу попадаются вот такие самородки. И если провести прямую линию и соединить ею оба ствола, то первый большой

самородок мы нашли как раз на этой линии.

— Интересно.

— Эти самородки, которые вы видите у меня в руках, взяты из другой шахты.

— Занятно. Давайте завтра осмотрим всё вместе и тогда поговорим о наших дальнейших действиях: сотрудничать нам или возвращаться вам в лагерь. К тому же взрыв в заброшенном забое — дело нешуточное. Вы об этом не подумали? Начальник лагеря сегодня спрашивал, где вы и как вас числить. Я просил его ещё немного подождать.

— Лагерь? — Лев смотрел на Берга распахнутыми от ужаса глазами.

— Возвращение в лагерь для нас сейчас равносильно смерти, — сказал Михаил.

— Ну, вы же были в лагере! Почему вы сейчас считаете это равносильным смерти? Презимуете там. А весной я опять вас возьму.

— Потому что мы не презимуем там, нам не дадут там презимовать. Бригадир наверняка уже понял, почему мы не вернулись тогда в лагерь. Он угрожал нам в тот день, когда мы уходили с вами. Нас начнут уничтожать: блатные и охранники будут постоянно избивать, заставляя себе прислуживать. За всё надо платить. За жизнь в течение лета вне лагеря с нас взыщут по полной мере, — объяснил Михаил.

— Начальник, вы желали, чтобы мы нашли жилу золота в кварце. За это и за тот прекрасный самородок вы обещали, что в лагерь мы не вернёмся, — Лёва старался быть убедительным. — Мы долго не были в лагере. Десятнику ясно, что это не просто. Он нам не простит, что его обошли. Но хуже десятника блатари и охрана. Они будут нас бить в мясо и пытаться. Им же любопытно, где мы были и что делали. Если мы им не подчинимся, нам обеспечено пёрышко в бок. И никто нас не спасёт.

— Я подумаю, — Берг растерянно почесал подбородок. — В наш последний разговор на эту тему я объяснил вам возможные варианты решения вашего вопроса. Окончательного решения не было. Я не представлял таких последствий.

— Нам необходима ясность. Тем более что мы почти у цели. Мы не гарантируем вам ещё один большой и прекрасный самородок. Но золото будет, и в достаточном количестве.

— Вы получите ответ завтра, когда я сам увижу всё своими глазами, — сказал Берг раздражённо. — Вы многого не понимаете.

С этими словами он покинул гостевой дом.

Начальник лагеря сегодня действительно спрашивал, когда Романов и Близинский вернутся в лагерь. Однако теперь Берг понимал, что, вернув друзей в лагерь, он тоже сильно рискует.

После ужина, помня, что дома говорить серьёзно нельзя, друзья затихли и легли отдыхать. Однако отдыхать не получалось. Отчаянный стук в дверь прервал их тревожные размышления. Михаил открыл дверь. На пороге стояла Людмила. Она была очень встревожена.

— Что с тобой?

— Я случайно услышала разговор Отто с Врангулой. Начальник лагеря требует вашего возвращения в лагерь. Врангула его хорошо знает. Он некоторое время дневалил у него. И это начальник лагеря посоветовал Бергу взять к себе Врангулу, когда мы приехали. Отто спрашивал у Врангулы совета, как ему лучше подойти к начальнику лагеря.

— И что посоветовал Врангула?

— Я не знаю. Он сказал, подумает. Я постараюсь повлиять на Отто.

— Нет! Пока нет. Он не должен знать о нашем знакомстве.

— Отто порядочный человек. А меня с вами познакомил Врангула, если помните. Я уверена, что Берг не отправит вас в лагерь.

— Людмила, я очень тревожусь, что если ты сейчас вмешаешься и твой муж, не дай бог, что-нибудь заподозрит, нас действительно ждёт лагерь. Лучше не вмешивайся. Мы с Лёвой придумаем, что нам делать.

— Как хотите, — Людмила ушла.

Самородок дал им надежду хотя бы на выживание. Но теперь выходило, что надежда была призрачной. Жизнь в лагере после перерыва страшила грязью, бессмысленностью и ещё большей жестокостью.

«С чего это они так разволновались? — подумал негласный наблюдатель за стенкой. — Надо выяснить». Он пришёл несколько поздно и не слышал предыдущего разговора. Однако видел, как Романов мечется по комнате, а Близинский сидит расстроенный на кровати.

— Стоп! — сказал Михаил, энергично меряя комнату большими шагами. — Мы можем быть дураками, мистиками, можем опасаться и волноваться, но быть трусами не имеем права.

— Я согласен. Но мы не имеем права недооценить опасность. И, кроме того, на нас лежат обязательства, которые мы должны выполнить.

— Если мы не обвалим вход в шахту и не откроем новый вход, игра проиграна.

— Михаил, успокойся ты. Нам никто не ставил срок завтра. Мы в принципе должны сделать шахту недоступной для посещения другими людьми. Сделаем это при первой возможности.

— Поэтому с утра идём к Бергу. Просим взрывчатку, приглашаем его посетить обе шахты, после того как расчистим вход новой шахты, — предложил Лев. — И прекрати маячить перед глазами. Выбрось все плохие мысли из головы. Ложись спать. Завтра нужны будут силы.

Они потушили свет и легли спать.

«Я непременно должен узнать про обе эти шахты. Зачем им нужна взрывчатка? Мне надо быть на месте раньше их», — решил любопытный человек и, крадучись, покинул свой пост.

Измученные, Романов и Близинский заснули. И снился Романову сон. Снился ему старый шаман. Он стоял над ним и качал головой.

— Ведите своего начальника в забой, не спорьте с ним. Я сам с ним говорить буду, надо чтобы за старый клинок он подержался.

Когда наступил рассвет, оба друга были на ногах.

— Нам придётся показать Бергу обе шахты. Я знаю, шаман нам поможет, — сказал Михаил.

— Чем же он нам поможет?

— Он так мне сказал.

«Уж не повредился ли в уме Михаил?» — подумал Лев. Но вслух ничего не сказал.

Берг зашёл резко, решительно. Улыбки и мягкости не было в глазах.

Михаил, не дожидаясь его первой фразы, сказал:

— Мы с другом вчера размышляли. Время дорого. Поэтому просим сегодня, сейчас, пойти с нами в забой. Мы покажем шахту, в которой работали, и место, где нашли вчерашние самородки.

— Добро. Сейчас и выходим, — ответил Берг.

Они надели шахтёрские робы, взяли шахтёрские лампочки и пошли к забою. Шли молча. Берг был сосредоточен и угрюм. Михаил и Лев представляли себе реакцию Берга на необыкновенную пещеру.

Они не были уверены в правильности своих действий. В любом случае приходилось надеяться на помощь шамана. Михаил сомневался, бывают ли вещи сны. Но его общение с шаманом было за гранью реальности.

Американский двухместный самолёт медленно и низко летел вдоль советской границы. На время он скрылся за прибрежными скалами. Пограничники думали, что самолёт врезался в скалы. На горе уже был разбитый самолёт, ставший памятником рискованному лётчику. Но через некоторое время самолёт буквально вынырнул из-за скал и стал набирать высоту. Некоторое время пролетел ещё вдоль границы в сторону Магадана, но затем резко ушёл в открытое море и больше не появлялся.

Парашотист приземлился на узкую прибрежную полосу. Место было ему знакомо. Он не раз здесь бывал, когда готовил тайник для парашюта и планировал приземление. Быстро освободился от парашюта, свернул и спрятал его в узкую щель между прибрежными скалами. Чёрные обрывы сопки нависали над водой. В стороне адовым переплётом скалистых выступов, мрачных башен и торчащих в небо чёрных каменных пальцев высилась Колдун-гора. Теперь надо было выйти на место, где его ждал свой человек и собачья упряжка. Он взял нужное направление и уверенно зашагал по тундре. Каюр ждал. Коридор работал.

* * *

Ночью отчаянно залаяли собаки. Врангула оделся, взял охотничье ружьё, вышел на улицу. «Медведь забрёл, что ли?» Ярко светила луна. За воротами стоял человек.

— Кого надо? — крикнул Врангула с крыльца.

— Берг Отто Юльевич здесь живёт?

— Здесь.

— Скажите ему, что приехал дядя Герхард.

Врангула поднялся на второй этаж, постучал в двери спальни. Берг уже проснулся.

— Ну что там ещё, Врангула?

— Там у ворот стоит мужчина, назвался вашим дядей Герхардом.

— Боже мой, Врангула, ставь скорее чай. Я сам его встречу.

Берг быстро оделся и вышел, цыкнул на собак, открыл калитку.

— Дядя Герхард! Какими судьбами? Проходи, проходи скорее.

Мужчины обнялись и расцеловались, и быстро зашагали в дом.

В комнатах загорелся свет. Жарко пылали дрова в камине. Сытная еда окончательно согрела и разморила гостя. Когда он выпил последнюю чашку горячего чая, его глаза слипались.

— Спать, только спать, — сказал он уставшим сонным голосом и пошёл вслед за Бергом в отведённую комнату к приготовленной ему всё тем же заботливым Врангулой постели. Утром Берг пригласил дядюшку к завтраку. Они сидели около камина, вытянув длинные ноги к огню, наслаждались беседой и теплом.

— Герхард, ты как сюда попал? Откуда ты узнал, что я здесь?

Герхард приложил палец к губам.

— Тише, я потом расскажу. А сейчас поговорим о жизни. О твоих делах здесь.

Дядюшка живо интересовался всем, что касалось жизни на Колыме и прииске. Спрашивал о состоянии забоев, технике, существующей добыче золота, плановых

государственных заданиях. Берг отвечал чётко, уверенно.

— Герхард, я стараюсь организовать работу так, чтобы выполнить и перевыполнить плановое задание.

— Это понятно. Но ты должен понимать, что чем больше даёшь, тем больше с тебя требуют.

— План перевыполняется на сотые доли процента. Однако я сделал всё, чтобы прииск не закрыли. Теперь он не убыточный. И я остался начальником прииска.

— Разумно. Быть хозяином, а не подчинённым.

— У прииска слава выработанного. Однако запасы золота на Колыме гораздо больше, чем знают в управлении Дальстроя. Всё дело в технике.

— А у вас есть техника? — спросил Герхард с лёгкой иронической улыбкой.

— У нас есть кайло, тачка, лом, лоток, трактор и экскаватор. Ну и ещё кое-что, такое же простое и примитивное. Основная рабочая сила — это заключённые в лагерях. То есть мы можем добывать только самородное золото.

— Это же очень хорошо!

— Почему?

— Я надеюсь, что ты наш человек. Мы можем говорить откровенно?

— Дядюшка, мы же свои люди!

— Разговор длинный и секретный. Отложим его на вечер.

— Хорошо. Ещё два слова. Сегодня я должен пойти в свой забой. Там до сих пор мои люди искали большое самородное золото. Нашли большой самородок и отдали его мне. За это я поселил их временно у себя. Они что-то нашли вчера и требуют определиться с наградой. Я же не могу их отпустить, кто-то должен добывать найденное золото. Брать новых людей опасно. Ведь это то золото, которое я не буду сдавать государству. С вашей помощью я надеюсь поместить его в банк, скажем, где-нибудь в Швейцарии.

— Не торопись. Верни их в лагерь. Там их поломают, будут как шёлковые.

В это время в зал вошла Людмила.

— Познакомься, дядюшка. Это моя жена Людмила.

Герхард посмотрел на женщину, и взгляд его смягчился и зажёгся интересом.

— О, майн гот! Где ты взял такой прекрасный экземпляр женщины?

И он поцеловал ей руку. Людмила улыбнулась. Налила себе чашечку чая и ушла. Её буквально передёрнуло от подобного комплимента.

«Экземпляр! — подумала она. — Я экземпляр! Кобыла на племя. Фу!» Она слышала последние фразы беседы и была очень ими взволнована.

— Ты не желаешь сопровождать меня, Герхард? — спросил Отто.

— К сожалению, я не должен показываться на людях.

Он понизил голос. Внимательно огляделся вокруг.

— Врангула занят кухней. А Людмила не будет подслушивать, — сказал Берг.

— Мой визит, я должен тебе это сказать, тайный. Меня перебросили через границу мои друзья. Я не уверен, что переход остался полностью не замеченным пограничниками. Я задержусь у тебя только до вечера.

Берг слегка поёжился. На мгновение ему стало не по себе. Настроение испортилось.

— Герхард, я постараюсь прийти домой скорее.

— Нет, нет, твой распорядок дня не должен меняться. Мы успеем поговорить. До вечера я хорошо отдохну.

Берг направился к дому старателей. Он не решил ещё, что ему делать со своими подопечными. Ему нельзя было их возвращать в лагерь. Они правы. Госбезопасность не дремлет, и любой слух мог положить конец так удачно начавшейся карьере. Друзья могли жить только в согласии с ним. Но и сам Берг крепко зависел от молчания своих подопечных, Михаила и Льва. В этом вопросе надо обязательно получить помощь начальника лагеря. А с друзьями он продолжит начатое сотрудничество.

В забой шли молча. Берг здесь не был давно. Он намеренно давал старателям свободу. Он понимал, работа из-под палки их не вдохновит. А доверие обязывает. Первой он решил осмотреть ранее открытую шахту. Ярко светили фонари на касках. Угольный пласт чётко выделялся по стенам. Так они прошли большую часть пути. Но вот в воздухе стала ощущаться напряжённость, дышать стало труднее. И Берг с испугом спросил:

— Что это такое? Шахта загазована?

— Нет, — ответил Лев, — узкий ствол шахты скоро кончится, мы выйдем в большой подземный зал, и вы поймёте, почему ощущается некоторая напряжённость.

— Нам осталось пройти метров десять, — успокоил Михаил.

Лампы стали светить тускло. Проход сузился и заставил их идти согнувшись.

— Здесь немного надо проползти. Узкое место, — предупредил Лев.

И как-то внезапно появился просторный зал пещеры. Белые стены блестели, как начищенные, и уходили вверх и там терялись в сумерках. Жёлтые полосы металла опоясывали спиралью зал. Свет падал откуда-то сверху узким лучом. Драгоценные камни, которыми были усыпаны стены, очаровывали своим таинственным мерцанием. Берг остановился, замер, заворожённый сказочной красотой. «Вот что они скрывали от меня, — подумал он. — Доверие не должно быть бесконтрольным».

Когда он вдоволь налюбовался на стены, его взгляд упал на скелеты. Ржавый клинок всё так же торчал в рёбрах второго сидящего скелета. Берг приблизился к нему. Протянул руку. Рука крепко охватила рукоять, и глаза Берга побелели. Он потерял сознание. Тёмная масса закрыла его. Михаил и Лев замерли. Тишина звенела. И падали капли с потолка, отсчитывая время вечности.

Сколько они простояли, замерев? Кто знает? Может быть, мгновение, может быть, час. Но вот мрак вокруг Берга стал рассеиваться. В его глазах появился блеск. Он поднялся на ноги и сказал:

— Идёмте отсюда. Это не наше место.

Когда они вышли из шахты, солнце сияло, блестел иней и лёд на лужах, лёгкий морозец бодрил и поднимал настроение. И близкая зима уже не пугала.

Близинский уверенно шёл впереди. Они пересекли забой почти по прямой. Вышли к обвалившемуся старому креплению шахты. Берг спросил:

— Самородное золото, которое принесли вчера, нашли здесь?

— Да.

— Постараемся подготовить фронт работы до сильных морозов. Врангула вам принесёт всё, что надо, — сказал Берг.

О чём говорил Берг со старым шаманом, осталось тайной. Он никогда не заводил об этом разговора. Но то, что беседа была и оказала влияние на всё его поведение, было очевидно.

Вечером за ужином Берг разговаривал с дядюшкой. Он был задумчив, молчалив, не проявлял вчерашней радости. Больше слушал, чем говорил.

Герхард возобновил разговор о золоте.

— Я сказал тебе вчера, что очень хорошо, что техника добычи золота примитивна. Тем больше его останется нам, когда мы будем здесь хозяевами.

Отто поднял вопросительно бровь.

— Каким же образом?

— Мой дорогой, я открою тебе величайшую тайну, — Герхард поднял стопку со спиртом и посмотрел на свет её прозрачность. — Во-первых, я слышал, что этим краем очень заинтересовались американцы. Они намерены купить у русских значительный кусок этой холодной земли. Только Сталин вряд ли продаст им, — он сделал значительную паузу. — Во-вторых, через год-полтора начнётся война между великой Германией и советской Россией. И тогда мы, немцы, будем здесь хозяевами.

— Великой Германии никогда не освоить просторов России. — Берг так же посмотрел на свет через свою стопку. Выдохнул воздух и выплеснул её в рот, запил из стакана прозрачной ключевой холодной водой.

— Гений Гитлера может совершить невероятное, — ухмыльнулся Герхард. — Мы подчиним себе весь мир. И начнём это уже через год. За это я сейчас выпью, — Герхард так же постарался мгновенно выплеснуть в рот содержимое стопки. Закашлялся и судорожно схватился за стакан с водой.

— Дядя, спирт надо уметь пить. Я думал, тебе не впервой, а то бы объяснил.

— Это же огонь! — Герхард поспешно заедал солёным груздем.

— А, может быть, не стоило пить за то, что ещё не свершилось? Война — это слишком опасное и рискованное событие.

— Ты не представляешь себе, что творится сейчас в Германии! Мы великая нация! Мы будем господствовать над всем миром. И ты будешь гордиться, что родился немцем.

Берг воздержался от возражений.

— Мне нужна твоя помощь. А я нужен тебе. Я буду рекомендовать тебя фюреру как величайшего знатока этого богатейшего края. Ты вернёшься сюда губернатором! От верных людей мы узнали, что кроме золота здесь есть значительные запасы олова, урана и угля. Как только у тебя появится достаточно золота, мы его переправим в один из банков Швейцарии. Ты здесь должен организовать ударную группу преданных нам людей.

— Я не могу и не буду этим заниматься, дядюшка. Здесь не тот народ. И у меня не то положение в этом обществе. А пуля в лоб в застенках НКВД мне не нужна.

— Но здесь же в основном сосланные и политические враги советской власти.

— Нет, здесь очень много несчастных людей, попавших сюда по непонятным для них причинам. Может быть, среди них есть враги советской власти, но они не враги своего государства. Рассчитывать на них, как на союзников Гитлера и помощников, большой просчёт.

— Отто, я должен тебя предупредить, что скоро начнётся война. Тебе опасно оставаться здесь надолго. Ты можешь находиться в России не больше года. А потом тебе надо скрыться. Иначе ты погибнешь. Ты же немец. Ты сам понимаешь, что тебе может грозить в случае

войны с Германией.

— Но я вырос в России, я гражданин этой страны! Берги пережили в России не одну войну. И, если помнишь, была среди них и русско-немецкая война, окончившаяся революцией.

— Через год обстановка изменится. Сталин не потерпит немцев у себя в тылу на Волге, тем более на руководящих постах. Мне некогда тебя сейчас убеждать. Но эта война будет особенной. Русские будут нашими рабами. Всё своё золото ты должен сохранить. Я позабочусь, чтобы тебя перебросили в Германию. А золото мы поместим в Швейцарский банк, как ты этого желаешь.

— Есть ещё одна очень весомая причина — моя жена. Она не согласится бежать со мной. Она русская. Я её люблю. Я не мыслю жизни без неё, я её не оставлю.

— Отто, ты погибнешь, если останешься здесь, ты немец. Советский лагерь не лучшее место. Здесь, в России, ты не сможешь воспользоваться тем, что у тебя есть. Ну а жена — это хорошо. Жену можно найти и в Германии, богатую, красивую и с положением. Подумай об этом.

— Ты, Герхард, прав только в одном: я очень хочу быть богатым и жить свободно в свободной стране. Но я не хочу служить ни Гитлеру, ни Сталину, ни кому-либо другому. Что же касается жены, то я намерен обвенчаться с Людмилой. И тогда наш брак будет освящён. Менять жену на любую красавицу я не намерен.

— Племянник, ты меня удивляешь. Через год ты поймёшь, что это невозможно. Ты должен принять решение, быть либо по ту, либо по другую сторону. Точнее, мы должны быть по одну сторону. Иначе нам придётся быть врагами.

— Герхард, ты поднимаешь вопрос, который требует не только времени для обдумывания, но и решимости. И если ты требуешь от меня создания ударной группы, то обрекаешь на провал. Это однозначно. Прииск небольшой. Я начальник прииска, человек на виду.

— Да, Отто, жить не просто, и думать, что ты находишься на краю света, поэтому ушёл от всех политических проблем в настоящее время, большая ошибка. В этом ты можешь убедиться прямо сейчас. Я нашёл тебя. Я здесь. А это значит, что где бы ты ни был, тебя видят и знают каждый твой поступок.

— Как?

— Это не важно как. Но ведь я знаю, что ты здесь. И, более того, я знаю, что у тебя живут двое политзаключённых. Вот только что они делают, до некоторого времени оставалось неясным. Но затем выяснилось, что они ищут золото в заброшенном забое. Тебе понятно, что если об этом я узнал там, могут узнать и соответствующие органы здесь. И этим ты уже определил свой путь. Ты определил свой путь ещё в детстве, когда я своими рассказами заронил в твою душу мечту о богатстве и подсказал, как это может быть выполнено. Надеюсь, тебе понятно, что в советской России ты уже дважды преступник. Ты с нами. Другого пути у тебя нет. Так что обретай решимость.

— Герхард, ты подставил меня. Никто не интересовался бы мной, если бы ты не указал на меня. Я не хочу участвовать ни в чьей политической игре. Для меня это и сложно, и не нужно.

— Я могу тебе помочь только в том случае, если ты будешь сотрудничать с нами.

— С кем, с вами? С фашистами?

— Да, если хочешь. Гитлер исключительная личность. Посмотришь, он сделает

Германию великой. Мы нация нордическая. Мы должны править миром. Пройдёт немного времени, ты убедишься, что я за тебя сделал правильный выбор.

— Я не хочу никем править, я просто хочу жить. И я сейчас в ярости. Как ты без моего согласия представил меня, как своего агента? Ведь ты меня именно так представил. Иначе за мной бы не следили.

— Отто, ты ничего не можешь изменить. Я поручился за тебя. Я отвечаю за тебя. Смотри, нигде не вздумай заявить о нашем разговоре. Иначе ты погубишь не только меня. А что касается твоих помощников, то первыми, вольно или не вольно, будут твои старатели. Кстати, кто они по профессии?

— Один — врач, другой — ювелир.

— Это очень здорово! Я имею в виду ювелира. Ювелир может твоё золото превратить в изделия. Отто, ты удержи их на эту зиму здесь. Объясни им необходимость довести до конца начатое дело. Награди их из того, что они добудут. Так они всегда будут у нас на крючке. Мы их достанем, где бы они ни были. Ты должен очень хорошо оценить ситуацию. Не вини меня. Я тебе буду очень полезен. Что касается создания боевой группы, можешь этим не заниматься. Это действительно опасно. Я тебя понимаю. А сейчас мне пора. Я должен идти. На дороге меня ждёт машина. Зови свою жену. Попрощаемся. Постарайся не говорить с ней обо мне. Я дам знать о себе при первой возможности. Но запомни, ты должен покинуть Колыму следующей весной. Будет возможность, я пришлю за тобой самолёт, и мы переправим тебя в Америку. А там уже легко перейти в любую страну. Всё, что услышал от меня, держи в безусловной тайне. Особенно сведения о войне.

Берг позвал Врангулу.

— Позови Людмилу.

Через пять минут Герхард вёл светскую беседу с Людмилой. Она с равнодушной улыбкой слушала его. Чувствовалось, что его пребывание не вызвало у неё особого интереса.

«Ну что ж, всё к лучшему, — подумал про себя Герхард. — Меньше интереса, меньше разговоров». Через некоторое время он стал прощаться.

— Счастливого пути, — пожелала Людмила.

Отто пошёл проводить гостя.

— Не дальше порога. Я должен выйти один, — пояснил Герхард. Они обнялись.

— К тебе должен подойти от меня человек. Передаст «привет от тёти Инги». Понял? Запомни: «привет от тёти Инги», — сказал он отдельно и чётко. — Мы ещё свидимся.

— Прощай, Герхард.

Дверь закрылась. Шаги быстро стихли.

Берг был чрезвычайно озадачен, угнетён, подавлен. Его поймали. И кто? Брат его матери. Его дядя. А может быть, он и не брат матери? Он вспомнил, какой хмурой была его мать, когда дядя гостил у них. Тогда он на это не обращал внимания. Он был очень польщён тем вниманием, которое оказывал ему гость. Они обсуждали важные для Отто вопросы, и он воображал, что когда-нибудь станет богатым и могущественным и что будет жить в какой-то сказочной стране. У него будет большой красивый дом. Обворожительная женщина родит ему трёх сынов. Он будет очень счастлив.

А что же произошло сейчас? На душе так тяжело и безрадостно. Кажется, вся жизнь разрушена. Берг понимал, что Герхард прав. Ему от них никуда не деться. «С кем поделиться, кому довериться, с кем посоветоваться?» Друзей, разделяющих его мысли, стремления, желания и идеалы, здесь нет. Его жена никогда не была близка ему по духу. Полно! Знает ли

он её? За всё время их совместной жизни они ни разу не разговаривали по душам. Он знает её тело. Это оно ему нравится: её глаза, волосы, фигура, взгляд, смех. Нравится ли он ей? Любит ли она его? Ему до боли в сердце захотелось, чтобы она его любила и понимала как человека.

Среди окружающих его людей он не видел возможного друга. Он принимал их в своём доме. Он стремился наполнить их жизнь общением, внести в их жизнь какой-то смысл, интерес. Они все были неплохими людьми, но все были чужими, случайными попутчиками. Они были советскими. И это было непреодолимым барьером. Даже Лев и Михаил, несмотря на их непричастность к политике, на выпавшие на их долю испытания, на тюрьму, были советскими. Они понимали его более чем кто-либо, потому что работали на него. Но дружеских чувств они к нему не испытывали. Это он знал точно. Он для них был человеком с двойным дном. А для него само их положение заключённых исключало близость общения.

Окончательное решение он должен принять сам. Герхард прав в одном, если он хочет жить, то в создавшейся ситуации ему надо скрыться. И не потому, что он немец. «Я наломал много дров», — так подумал Берг о своих тайных шагах. В России он не может быть свободным. Если он откажется от предложенной Герхардом роли, его сдадут органам госбезопасности. И тогда тюрьма или расстрел. Работать на фашистов он не желает. Не его эти песни. Он просто хотел жить в каком-нибудь нейтральном небольшом государстве свободно и богато. Но год или почти год в его распоряжении есть. Берг решил, что в любом случае он должен выполнить свой план по добыче золота. Жажда быть богатым была сильнее страха. «К тому же Герхард будет спокоен, если я не изменю свой образ жизни, буду продолжать задуманное дело, — подумал Берг. — Договорюсь с начальником лагеря. Время, оставшееся в распоряжении, надо использовать без потерь. Как обезопасить себя в течение этого года? А если дядюшку засекли на границе? Тогда моя песенка спета. Путь Герхарда проследят. Всё раскроется. Мне грозит расстрел и за немецкого шпиона, и за самородок». Берг покрылся холодным потом.

Людмила подслушала разговор дяди и племянника. Нет, у неё не было побуждения задержать дядюшку и сдать соответствующим органам. Она понимала, что всё не так просто, всё связано. Если поймут немецкого шпиона Герхарда, пострадает его племянник Отто. А он, как она поняла, вовсе не хотел быть врагом своей Родины. Но кто в этом будет разбираться? Сколько людей в лагерях отбывают наказание за меньшие грехи! Михаил и Лев опять будут возвращены в лагерь. Для них этот случай вообще смертелен. Потому что лагерь и клеймо «врага народа» у них уже есть. Следующее — расстрел. Так счастливо найденный самородок будет всем смертным приговором.

Она жалела Отто, она жалела всех, и особенно себя. Она уже привыкла быть замужней женщиной и чувствовать себя обеспеченной и защищённой. Ей нравилось играть роль звезды в их небольшом обществе. Она почти поверила, что в Москву они вернутся крепкой обеспеченной семьёй. «Боже мой, как запутался Отто! Как его предал этот неожиданный дядюшка!» — думала она. Она буквально ненавидела его. Её просто мутило от одного воспоминания о нём. Само слово «дядюшка» было ненавистным.

Из разговора она узнала важные вещи. «Отто в большой беде. И беда эта грозит ему с двух сторон. Если он не согласится сотрудничать с Герхардом, то зарубежные друзья дядюшки выдадут его советской службе госбезопасности. Повод для этого есть, и основательный. Родственник за границей, не указанный в документах, это уже повод достаточный для расследования, — думала она. — А Михаил и Лёва! Они же политические

заключённые, объявленные “врагами народа”! И они несколько месяцев проживают в гостевом доме Берга!» У Людмилы волосы встали дыбом, когда она представила, что это станет известно в органах. Но было ещё весомое экономическое преступление: он не сдал самородок государству. Если он решит скрыться, но не сотрудничать с немецкой разведкой, его найдут, где бы он ни поселился. Руки у дядюшки и его друзей, надо понимать, длинные. Она понимала, почему Отто выбрал путь на Колыму. Миф, который внушил ему его дядя Герхард с детских лет! Взрослый человек толкнул ребёнка на нечестный и опасный путь. Он же знал, что за всё надо платить. А расплатой может быть жизнь.

До сих пор Людмила не понимала, что Берг её действительно любит. Она смирилась с тем, что, приняв его предложение, оказалась на прииске. Он до сих пор не заводил разговора о любви. Дом был построен так, что она имела отдельную спальню. Когда он пришёл к ней первый раз, она не отказала ему, но и не проявила особой страсти. Но вдруг оказывается, он любит её и хочет с ней обвенчаться. Даже его мечта о золоте, о богатой и свободной жизни, на втором плане. И это льстило ей и более всего заставляло Людмилу задуматься. Что она несёт этому человеку, её мужу? Каковы её чувства к нему? Каковы её обязательства перед ним? Она не корила себя за неверность. Её опыт жизни не привил ей это понятие. Но она дорожила близкими и добрыми людьми. А Отто был к ней очень добр и заботлив. Его слова: «Я люблю свою жену и не мыслю жизни без неё», — звучали у неё в ушах чудесной мелодией. Тем более что Отто никогда не говорил ей о своей любви. Он вообще ей старался не надоедать. Он её муж. А она с ним так холодна. Ей вспомнилось её бесприютное детство, её ужасная растоптанная юность. Только один человек пожалел её по-настоящему, пригрел, воспитал, вытащил из дерьма. Она до сих пор не могла принять его смерть. И вот теперь через столько лет она нужна и любима. Это нельзя потерять. Нельзя оттолкнуть любовь и защиту. В ней рождались ответное тепло и нежность к этому человеку.

А кто же для неё Михаил? Он женат. Жена для него и его дети, как он говорит, святое. А как же она, Людмила? Там, в Москве, всё было проще. Она привыкла жить временными связями. Михаил ей ничего не обещал. Жизнь шла среди множества интересных людей. Людмила никогда не видела жену Михаила. Она для неё была нереальной. А Михаил умел сделать из их встреч праздник. Но они оба чувствовали временность этого праздника. Здесь праздника не было. Была одна незабываемая короткая ночь. А потом тайные встречи. Каждый звук заставлял вздрагивать. Людмила переживала это как унижение. Надо было обманывать мужа и бояться разоблачения. И это тоже не приносило радости. На Колыме их свёл случай или провидение, можно понимать как угодно. Но Людмила верила в провидение.

Однако всё было сложнее. Завязался узел, его надо было очень аккуратно распутывать. Людмила понимала, что ей надо выбрать и постараться пощадить обоих мужчин. Она должна помочь Михаилу установить связь с семьёй. А Берг никогда не должен узнать, кто и что стояло между ними.

Был ещё очень важный момент разговора дяди и племянника — неизбежность войны, в которой уверял Герхард. Об этом нельзя молчать. «Наши должны знать, что Гитлер лжёт. Заклучает мир, а сам готовит войну. Надо поговорить с Отто».

Любой ее необдуманый поступок может стоить жизни всем близким ей людям.

Людмила вспомнила, как Берг в Москве ей говорил: «Мы вернёмся в Москву состоятельными людьми. Любовь придёт. Мы будем счастливы». Она хотела вернуться в Москву, но не одна. У неё должны быть семья и муж, её защита и опора. Она должна вернуться в Москву победительницей. Появление незваного гостя рушило её надежды. Она

понимала, это — враг. Ей было страшно и холодно внутри. Это была очень тревожная ночь.

«Как я могла согласиться на это путешествие? — думала Людмила. — Это же уму непостижимо! Какой-то жалкий прииск. Маленькая кучка незащищённых людей. Я никакого представления не имела о том, какая жизнь ждёт меня здесь. Теперь Берг единственная защита. Но, боже мой, какая это хрупкая защита!»

Берг проводил гостя и ушёл к себе в кабинет. Ему надо было всё обдумать. Но он чувствовал себя больным и разбитым, и отложил решение всех вопросов на завтра, даже не стал подниматься в свою спальню. В кабинете лёг на диван и заснул.

Утром, как только он проснулся, стал осмысливать своё положение. Оно было безрадостным. «А что если Герхарда засекали на границе? Или он попадётся при обратном переходе?» Неприятный холод возник где-то между лопатками. Внезапно возникла мысль: «Я должен установить связь с советской разведкой. Моим доверенным лицом будет Людмила. Она москвичка. У неё в Москве множество друзей». Берг не мог успокоиться. Но всё же стал планировать свои действия и поведение с Людмилой. Он решил при разговоре с ней быть патриотом России.

День прошёл как-то странно. В голове бродили непонятные серые мысли. То ему казалось, что вот сейчас откроется дверь и ему предложат отправиться в Магадан и там, в органах, дать объяснения по поводу дядюшки. И тогда он будет без вины виноватым. «Собственно, почему без вины? Я ведь обязан был его задержать и выдать соответствующим органам». То возникала надежда, что всё образуется, и ожидание перемен.

Берг распорядился, чтобы Близинский и Романов оставались дома. Врангуле он приказал доставить в забой взрывчатку. Он выполнял свои обязанности, но это не приносило удовлетворения. Однако было ожидание, что он сумеет решить свои проблемы, тучи над головой рассеются, и всё должно как-то завершиться не самым плохим образом. Он постарался успокоиться. В голове появилось осязаемое просветление, рождался план действий.

Была суббота — день, когда Берги принимали гостей. Отто решил не нарушать традиции. Сходил в баньку. Заказал Врангуле хороший ужин. Людмила вышла, как всегда в дни приёма гостей, с улыбкой на лице, в новом красивом платье. Женщины стали разглядывать его и восторгаться её мастерством и вкусом.

— Людмила, ты опять в новом красивом платье. Где ты только берёшь эти фасончики? — спросила Лида Баженова.

— Я привезла достаточно старых платьев и отрезки ткани на платье. Отто меня предупредил, что здесь нет магазина с вещами. Ну и я их перешиваю и кое-что выдумываю. Детей у меня нет. А свободного времени много.

— Ты ведь у нас столичная штучка, — сказала Ольга весело. — Вот и будешь нашим домом моделей.

Женщины по-доброму рассмеялись. Потом все весело принялись накрывать стол и выставлять принесённые угощения. Они не переставали щебетать. А мужчины солидно устроились на диване и молча ждали, когда их пригласят занять места за столом.

— А у меня кое-что есть. Только тихо, — Ольга прикрыла пальчиком рот и пошла в прихожую. Два больших стеклянных графина с красной жидкостью она вытащила из своей сумки и водрузила на стол. Однако мужчины сразу затихли, а потом с возгласами «ура, ура» дружно двинулись к столу.

— А у нас наливочка, наливочка, наливка, — запел Зеников Андрей.

— И вовсе не наливка, — возразила Ольга. — Это я ликёр сварила. Ну, сами понимаете, спирт это только для мужиков нормально. А ликёр — это благородно.

— Ой, Оля, расскажи, как делать, — у Елены Зениковой заблестели глаза.

— Да нет никакого секрета. Варю сладкий сироп из брусники. Ягоду отцеживаю и добавляю спирт.

— Всё, разговоры в сторону. Приступаем к снятию пробы. Где у нас хозяин? Наливай. А ты, жена, почему мне ничего не сказала? — возмутился Иван Иванович.

Вечер прошёл непринуждённо и весело. Мужчины особенно радостно произносили тосты. Женщины нахваливали друг другу закуски. Берг внимательно присматривался к своим коллегам и добрым соседям. Кто-то из них мог передать ему «привет от тёти Инги». Гости ушли, никаких странностей он не заметил.

* * *

До сих пор между Людмилой и Отто не чувствовалось родственных любовных отношений. Пока не был построен дом, он не навязывал ей супружеские отношения. Дом он построил так, чтобы у каждого было своё жизненное пространство. Он надеялся, что она оценит его деликатность. И она действительно оценила. Людмила не отказывала ему в близости. Но в первый же его ночной визит она сказала:

— Отто, мы супруги. Спасибо тебе за то, что ты не спешил и был так добр и понятлив. Но говорить сейчас об отношениях рано. Подождём, когда придёт настоящее чувство.

Прошло уже немало времени. Он чувствовал отчуждённость. Чуть насмешливый холодный взгляд, стремление сохранять дистанцию, отсутствие нежности и просто открытости яснее слов объясняло ему, что время признаний и любви ещё не пришло. Дни шли. Что-то или кто-то был между ними. Была женщина, с которой он иногда занимался сексом, но не было тёплого, родного человека, о котором он мечтал. Он чувствовал холод, и это обижало его. Они не были по-настоящему мужем и женой, единым целым, семьёй.

Однако сейчас ему особенно нужна была любящая и верная женщина. Он как никогда чувствовал себя неуверенно. Как добиться взаимности? Как преодолеть тот холод, который постоянно чувствовал от неё, и сам был им заморожен. Его оскорбляло отношение женщины, которая принадлежала ему как вещь. Людмила должна была почувствовать, как она желанна и любима. Иначе лёд между ними будет расти. Отто налил в бокалы шампанского и подошёл к ней.

— Давай выпьем за нас! Выпьем на брудершафт.

Они выпили и поцеловались. Отто почувствовал, что-то изменилось. В этом поцелуе не было холодности и дежурной учтивости, которые обычно замораживали его. Это был тёплый дружественный поцелуй. В нём не было страсти, но нежность была. Это вдохновило его. Отто почувствовал, что она нужна ему сейчас, сию секунду вся, не просто нужна. Его душа устремилась к ней и трепетная проникла и приникла к её душе. Состояние было необычным. Как будто на миг открылся яркий и радостный свет. Его сердце билось мощно и наполнялось огнём настолько страстным, что не было места никаким соображениям о холодности жены, о том, что кто-то стоит между ними. Это был его берег, его причал, его утешение и надежда. Он обхватил Людмилу руками, прижал к себе и поцеловал крепко, больно, так, что её губы открылись, перехватило дыхание. Он не отпускал, и всё целовал её губы, лицо, ямку на шее.

[Купить полную версию книги](#)

НКВД — Наркомат внутренних дел.

Твиндек — трюм, оборудованный нарами для пассажиров.

Чавчу — настоящие люди, так называли себя оленные чукчи.

Аньюйские ярмарки устраивались в конце зимы. На берегу реки Большой Анюй с 1770 года была заведена постоянная торговля с чукчами. Чукчи разгромили посланные для их покорения отряды русских казаков и не были покорены. Русские за ясаком в их стойбища не ходили. Они числились подданными Русского государства лишь номинально. Связи с чукчами были торговыми. Купцы на промтовары выменивали пушнину, меховую одежду, моржовые клыки и ремни. Русские товары у чукчей пользовались большим спросом (котлы, железные изделия, табак, мука, бисер).

Анкалын — приморский житель.

Луоравэтльан — настоящий человек, настоящий мужчина.